

ВРЕМЕНА ГОДА

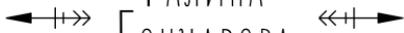
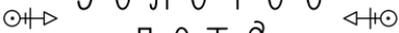
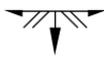
Черная осень

Алая зима

Белая весна

Золотое лето

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
ЗОЛОТОЕ
ЛЕТО

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка иллюстраций *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 **Времена года. Золотое лето / Галина Гончарова. —**
Москва : Эксмо, 2022. — 448 с. — (Колдовские миры).
ISBN 978-5-04-162220-6

Чаши весов качаются, а равновесие никак не наступает. Где же оно?

В Русину пришло теплое, солнечное и золотое лето, а вот мира и покоя на земле нет. И продолжает литься кровь, и продолжают греметь орудия. В гражданской войне жизнь человека дешевле пули. Даже если это жизнь императрицы.

Но и в России Анне скучать не приходится. Не оставляют ее в покое ни свекровь, ни враги Бориса Савойского. С чем-то подарок Хеллы может справиться, а что-то и богам неподвластно. И не могут боги отменить свои слова.

Пришло лето. Девушкам пора уходить на перерождение. Или есть возможность еще немного задержаться? Этого не знают даже боги. Они могут играть людьми, но предсказать человеческие поступки иногда и им не под силу. Сумеют ли девушки удивить богов и выиграть свою жизнь? Они постараются. Ради детей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162220-6

© Гончарова Г.Д., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

ПРЕКРАСНЫЕ СЛАСТИ ДАВАЛИ В САДУ¹

Яна, Русина

— **М**ама, мамочка...

Гошка повис у женщины на шее, словно камень. И точно так же Яне хотелось сейчас уйти на дно. Куда-нибудь в глубокое темное озеро. Туда, где тихо, спокойно, безопасно... где никто не сможет разлучить ее с сыном! Где не надо будет расцеплять руки и уходить.

Где можно будет остаться навсегда.

Вместе.

Ее мальчик плакал.

И за эти слезы она готова была убивать и умирать... вот второе ей сделать и придется. И хорошо, если ее сын будет подальше отсюда в эту минуту. Ни к чему ему видеть смерть матери.

Не надо...

Это единственное, что могло заставить Яну отпустить мальчика. Только это. И улыбаться. Храбро и спокойно улыбаться, хотя на душе даже не кошки скребли — там целый приют для бездомных зверей прописался. И активно разрывал эту самую душу когтями.

Чего ей стоило не плакать?

Шпильки стоило.

Всего лишь одной намертво сжатой в кулаке шпильки, которая сейчас до крови впилась в ладонь, пробила кожу

¹ Все названия глав взяты из стихотворения Юнны Мориц «Лето». (Прим. авт.)

и причиняла острую боль. Но это было не важно. Лишь бы держаться...

— Солнышко мое родное... я обещаю, что приеду! Ты отпавишься с дядей Федей и будешь меня ждать. Учиться будешь, а я постараюсь побыстрее.

— Мамочка, почему нельзя поехать вместе?

— Георгий Петрович, вы прекрасно знаете почему.

Гошка знал.

И знал, когда мама начинает говорить таким тоном, лучше не связываться. Переспорить ее все равно не выйдет. А вот потом можно и что-то свое решить.

— Мама...

И прижаться покрепче. Вдохнуть еще раз этот особенный, родной запах. Каждый ребенок знает свою маму. Каждый любимый ребенок...

Ее голос, глаза, руки, запах, ее улыбку. И все это дарует ему ощущение безопасности.

Мама рядом.

Ничего плохого случиться не может.

Яна последний раз поцеловала сына, подмигнула Мишке и Машке. Помахала рукой Топычу. Они все уже были в вагоне, и только они с Гошкой обнимались на перроне, не в силах оторваться друг от друга.

— Люблю тебя, сынок...

Последний поцелуй во влажные от слез щечки — и решительное движение руки. Как же тяжело осознавать, что она никогда, никогда его больше не увидит.

Какое же это страшное слово — никогда.

Но Гошка будет жить!

Он будет жить, радоваться, учиться, смеяться, потом жениться, и у него будут дети. А у нее внуки. Она их и не увидит никогда (опять, опять это жуткое слово), но разве это важно?

А может, еще и удастся договориться с Хеллой? Может, ей новая сова нужна? В Русину? Яна и на веточке посидит, она не гордая! Посмотрит на сына издали или там волчицей побегает... да хоть и ковриком у порога полежит! Лишь бы знать, что с ее мальчиком все хорошо.

Лишь бы беречь его. И в жизни, и после смерти.

Яна стояла на перроне до последнего. Пока паровоз не превратился в точку. Пока даже дым не растаял в синей

дали. А потом повернулась к Валежному, который не трогал ее. До последней секунды не трогал, давая пережить и разлуку, и боль утраты...

— Что у нас по плану, тор генерал?

— Ваш приезд, ваше императорское величество.

— Замечательно. Только принесите мне чистый бинт.

— Бинт, ваше императорское величество?

Яна криво усмехнулась — и разжала ладонь, показывая, как впились под кожу острые металлические кончики шпильки. Валежный даже поморщился. Крикнул, чтобы принесли все потребное и привели доктора, но Яна справилась сама. Даже с улыбочкой.

Левая рука болела немилосердно. Шпилька вонзилась глубоко. А стоило ее выдернуть — потекла кровь. Ну и ладно, не смертельное ранение.

Прибежавший медик что-то закудахтал, Яна осмотрела содержимое его чемодана, выдернула склянку с медицинским спиртом и от души плеснула на рану. Ощущение было — как жидким огнем по коже. Еще бы внутрь принять... но это уже — нельзя.

Впрочем, Яна была рада боли. Она очень хорошо отвлекала от душевных терзаний.

Гошка, сын мой родной...

Один раз мать предала тебя.

Один раз поставила свои интересы вперед твоих.

Больше я так не поступлю. Даже если я сломаюсь, это не важно. Важно, что у тебя все будет хорошо. А я... а мне уже и немного осталось. Месяца три, не больше. Лето наступает...

* * *

— Почему?!

Гошка ревел от души и не собирался сдерживаться. Сложно разлучаться с мамой.

И взрослому-то сложно, а уж маленькому, беспомощному и беззащитному, терять единственного родного человека... и не говорите, что это на время! Больно каждый раз! Вне зависимости от времени и возраста!

Федор Михайлович плюнул на все. На титулы, на звания, на то, что Гошка — Воронов, может, единственный наследник династии...

Алексеев?

Да кто там будет слушать какого-то Алексеева? Тьфу на него три раза! Даже если он с главной колокольни страны орать будет, Гошка — все одно Воронов. Сын последней императрицы Русины. А закон... слово Анны — и есть закон.

Купец подхватил мальчишку, прижал к себе покрепче и как мог убедительно заговорил:

— Гоша, сыночек, она приедет.

— Правда?

— Она обещала?

Гошка всхлипнул и покачал головой.

— Н-нет... мама сказала, что все для меня сделает. И любить будет. А когда заберет — не сказала.

Федор Михайлович скрипнул зубами.

Все он знал, все понимал, но тора Яна! Неужели нельзя было соврать малышу?! Ну хоть какие-то сроки назвать? Хоть год! Уж что-то решилось бы за год, нет?

И тут же сам себе ответил.

Нельзя.

Рано или поздно дети вырастают. Понять ложь они могут, и принять могут, и сами лгать будут, но простить своих родителей? Простить за этот обман?

Никогда.

— Это потому, Гоша, что ей сейчас очень трудное и страшное дело предстоит. Страну с колен поднимать — не выдох сделать...

— Знаю. А еще мама сказала, что я — ее уязвимое место. И ради меня она что угодно сделает.

— И это не тайна. А потому побереги себя, малыш. И я тебя поберегу. Если ты рядом с ней останешься, и она о деле думать не сможет, и ты в опасности будешь. Знаешь, сколько людей тебя захотят использовать? Даже представить страшно. А если похитит кто? Обидит? Вот мама тебя и отослала. А по срокам ничего не сказала, потому как и сама точно не знает. Уж очень тяжкое ей дело предстоит. Тут не скажешь — месяц или год уйдет.

Гошка длинно вздохнул и прижался поближе к купцу. Федор Михайлович погладил короткий хохолок на макушке мальчика.

— Все можно исправить, пока мы живы, Георгий. Все можно исправить.

— Правда?

— Правда.

Только вот утешить мальчика могли совсем другие слова.

Что мама придет, заберет его, что все будет хорошо. А их-то Федор Михайлович и не мог произнести. Словно горло петлей сдавило.

— Давай помолимся, Георгий. Чтобы все у нее получилось.

— Д-да... пусть все п-получится...

— Твоя мама все сделает, чтобы вернуться за тобой. Она тебя любит. Просто так уж получается, родись она в обычной семье, было бы и легче и проще. Но кровь диктует и спрашивает. Тора Яна могла бы предать, уйти, сбежать, но тогда бы она не была твоей мамой. Она бы сломалась, и ты первый рано или поздно не простил бы ей этого поступка. Как рано или поздно не простишь себе какой-то слабости. Ты ведь не просто Алексеев, ты ее сын и Воронов. В твоей крови право и власть древней фамилии. А власть — это не только привилегии. Это ответственность.

И снова Гошка не стал возражать.

Любит... мама постоянно говорила, как она его любит. И не просто говорила — доказывала делом. Приехала, спасла его, увезла от войны... собой пожертвовала ради сына. Это не пустые слова, это настоящая любовь.

Мамочка, я тебя тоже люблю. Побереги себя, пожалуйста...

* * *

Тор Изюмский мерил шагами площадь.

Нервничал.

Когда Валежный прислал ему письмо, он и глазам-то своим не поверил. Чудо?

Больше, чем чудо!

Или — подделка? Мистификация?

Это тоже возможно... верить не хотелось, но Валежный был до боли, до крови предан Русине. И если для того, чтобы она жила, нужна фальшивка... он не поленится таковую сострять.

Или все же?..

Ответа не было.

Николай Николаевич так и не смог замереть на одном месте. Только когда медленно подкатил к перрону паровоз, тянущий шесть вагонов, он опомнился, встряхнулся — и вытянулся по стойке «смирно».

Грянул марш.

Медленно, очень медленно, словно время вдруг стало киселем, сквозь который продирались липкие жирные мухи, двое солдат соскочили на перрон, приоткрыли дверцу и приставили лесенку.

И взяли на караул¹.

Первым из вагона молодежато выскочил тор Валежный. И помещик Николай Изюмский, глядя в его глаза, вдруг успокоился.

А ведь и верно.

Все будет хорошо?

Она выпрыгнула из вагона так легко, словно ничего не весила. Не стала медленно спускаться по лесенке, придерживая пышную юбку, да и юбки никакой не было.

А что было?

А был тот самый брючный костюм. Да-да, тот самый, пошитый еще в Ирольске и проехавший с Яной через всю Русину. Валежный уговаривал ее надеть нечто «более приличествующее статусу», но генерала разгромили подчистую. Может быть, впервые в жизни.

Яна насмешливо подняла бровь и поинтересовалась, как ей в платье воевать, убегать, падать, перекатываться, стрелять... не желает ли тор генерал опробовать сие? Не на себе, так на ком-то из своих людей.

Ах, не придется защищаться?

Тор генерал, мой отец тоже так думал. А я лучше с пи-

¹ Взять на караул — отдать честь воинским ружейным приемом. (Прим. авт.)

столетом похожу. Так, для душевного спокойствия... кстати, не хотите ли кобуру на пояс к платью привесить? Нет? Стиль не тот?

Валежный понял, что не победит, и проявил мудрость полководца. Пошел в обход.

Яна отказалась от платья?

Ну так сделаем все возможное, чтобы она в остальном не отходила от канона. Найдем куафера, который уложит волосы в сложную прическу, найдем драгоценности, которые соответствуют статусу, не кольца, кольцо может быть лишь одно, но серьги? Возможно, кольцо?

Да и костюм костюму рознь, закажем попросту мундир для ее императорского величества. А что?

Она же официально является шефом полка, правда, не этого, но... разве теперь важно? Валежный просто приказал пошить мундир на ее величество — и Яна не стала отказываться.

Оговорила для себя пошив еще одного костюма — и только.

Но форма была еще не готова, построить мундир в нынешние непростые времена сложно. Галун, басон, шевроны, выпушка... да много чего! И сукно возьмешь не всякое, и шить надо бы не кривыми руками...

А представляться народу необходимо.

Яна обвела взглядом перрон.

Нет, не было у нее Аниной харизмы. И привычки подчинять себе людей тоже не было. Но сейчас и не надо. С какой надеждой на нее смотрели собравшиеся... у Яны комок в горле застрял. Пришлось судорожно сглатывать и давиться желчью.

Она вдруг поняла, что Валежный был прав.

Не в войске, не когда ехала к границе, а вот именно сейчас поняла. Сердцем ощутила. Прочувствовала до самого нутра.

Когда стояла на перроне, когда люди смотрели на нее, и в глазах у всех читалось одно и то же.

Останови ЭТО. Пожалуйста...

Довольно безумия, хватит гражданской войны, дай нам мир, дай нам хлеб, спокойствие, безопасность... мы не хотим бояться за своих детей!

Да, трава для коней, вода для людей, будущее для детей. Война и революция лишали всего. И самое страшное — последнего. И детей, и будущего.

А осознав происходящее, Яна едва не застонала.

Люди, да вы что?! Я же... я не смогу, не справлюсь, я обычный человек...

Больше всего ей сейчас хотелось нырнуть под вагон — и помчаться куда глаза глядят. И поверьте, ее не догнали бы и на гоночном автомобиле. Но...

Нельзя.

Яна медленно расправила плечи, подняла руку вверх и улыбнулась. Ладонь ее была видна очень хорошо. Перевязанная белым бинтом, с красной капелькой крови в центре. Проступила...

И тишина.

Такая, что шпилька упади — слышно будет. Даже дыхание все затаили.

— Народ мой! Здесь и сейчас я прошу у вас прощения.

Медленно, при всех, на грязном перроне, опустилась на колени императрица Русины.

Опустилась на колени перед теми, кто пострадал по вине ее отца. Может, и не хотел Петер. Но это его глупость, слабость, потакание жене довели до такого. Это он все развалил. И если кто-то скажет, что смерть все искупает...

Ни черта!

Не искупает она ничего! Помереть просто. А ты поди исправь все то, что натворил, и расхлебай, что заварил. Сможешь?

Нет? То-то и оно. А померешь — и все, ни горя, ни забот, только жалость и слезы. Даже обматерить покойника толком нельзя.

А вот выкопать и на свалку выкинуть — иногда и стоило бы. Гадко воевать с костями? А это не война. Это — справедливость.

— Перед вами виноват мой отец — он это допустил. Перед вами виновата я — я должна была его остановить...

Тор Изюмский смотрел на профиль девушки.

Да, это действительно императрица.

Копия Петера. Это сразу видно тем, кто хоть раз... даже не то что видел императора. Видел его профиль. На монете, бюсте... Яна была копией своего отца. Только в женском варианте.

Тот же высокий лоб, короткий прямой нос, те же глаза, волосы... разве что подбородок, наверное, достался ей от матери. Петер нарочно отращивал бороду, чтобы скрыть слабость характера, вялость губ... а вот Аделина отличалась решительностью. Так что подбородок у Яны был вполне упрямым.

Да, это определенно принцесса Анна. У Николая хранилась вырезка из газеты, и сейчас он мысленно сравнивал... Непривычная прическа. Непривычное выражение лица. Но это — она.

Валежный совершил чудо.

Он нашел законного наследника престола.

Слова медленно слетали с ее губ. Словно камни.

Те самые, что вешают на шею. Вериги? Обеты?

Не важно, все одно — снимать нельзя.

Щелкали магниевые вспышки, лихорадочно строчили в блокнотах репортеры (эту заразу никакой революцией не возьмешь), а Яна внятно произносила давно обдуманые ею слова.

Проклятая ответственность.

Она думала об этом, пока поезд мчал их к границе.

Думала ночами, не имея возможности обсудить это ни с кем иным, думала, лежа рядом с Гошкой и перебирая мягкие волосенки своего сына, думала...

Она обречена.

А вот люди должны жить.

Она обречена. Но ее сына и ее сестру это затронуть не должно.

Она обречена. Но Русина должна выстоять. А чтобы это произошло...

Людям нужно знамя.

Причем — конкретное. И не так, чтобы она померла — и все рухнуло. Нет! Так, чтобы она померла как символ. Как мученица... вот в христианстве это хорошо провернули! Идеологи померли, а идеи вон сколько уже живут! И не придавишь!

Яне требовалось то же самое.

Отречься от трона она не может. Но постепенно продвигать в массы идею, что династия Вороновых оказалась недостойна и прохлопала... крыльями все, до чего дотянулась, — можно. А значит, династию надо менять.

Вот Яне подберут мужа, разумеется, достойного, и она передаст всю власть ему. А чтобы уж до конца...

Хотели вы хунту?

Вот ее и получите! И парламент, сволочи!

Идеальная форма правления? Ой, да не смешите мои тапочки! Это не идеал, а слезы горькие. Но в том-то и дело, что лучшего выхода нет. Империя?

Да, с точки зрения Яны, это была идеальная форма правления. При идеальном монархе. А вот такого и нет. Вот где они водятся?

Чтобы умный, решительный и ставил интересы страны вперед своих? Даже не так... чтобы интересы страны были и его интересами. Нет таких?

Нет...

Беда...

Не могла Яна никому доверять. Валежный? О стране он заботится искренне. И поэтому понимает — не потянет. Выиграть войну он сможет. Выиграть мир — тут нужны другие таланты. Но взять их негде.

Остается лишь одно.

Выйти замуж, а потом торжественно умереть. Красиво так... мученически. Чтобы народ уверился, что принесена искупительная жертва... как-то так.

Именно к этому она сейчас и готовила свое окружение. А случай сложить голову?

На войне?

Долго искать не придется.

Русина, Звенигород

— Что происходит?!

— Глянь! Энто как?

— Ась?! Чаво?!

— Горим, родненькие! Горим, не иначе!

— Молчи, дура!!!

И звук затрещины. И крики, и шум, и гам...

Над столицей, над древним городом Звенигородом, плыл малиновый, хрустальный, безудержный колокольный звон.

Тот самый Царь-колокол...

И не было никого на колокольне, чай, не дураки, все видят: на улице день белый, и колоколья-то заколочена наглухо, и пролет там обрушился лестничный...

О попытках жома Пламенного повоевать с Царь-колоколом и о полном его, Пламенного, поражении в столице знали даже крысы в канализации.

И если колокол звонит...

А он звонил, и кто-то из людей вдруг сообразил...

— Анператор! Люди, да то ж анператор возвращается!

Кто-то закричал, кто-то выстрелил, но было уже поздно. Смутьяна услышали. И лови его теперь, не лови... идеи действительно живут дольше людей.

Вслед звону поплыл, пополз шепоток, волной окутал площадь, и до вечера наверняка весь Звенигород будет в курсе. А там и дальше разойдется...

Возвращается император...

Колокол предвещает.

Он-то врать не будет, чай, не газета! В той сбрехнут — недорого возьмут, а тут-то все настоящее, от предков, древнее камней на мостовой, древнее самой столицы...

Анператор возвращается!

Анна, Россия

Анна не ругалась матом. Но иногда очень хотелось. Казалось бы, ненадолго отлучилась из дома — и что?

Да, из дома.

Особняк Савойского стал для нее тем, чего никогда не было у княжны Анны.

Дворец — был. Даже дворцы.

Роскошь, почитание, преклонение, спальни, гостиные, анфилады комнат и блеск позолоты. Прислуга и фрейли-

ны. Гвардейцы и лакеи. Император и императрица. Великие княжны. А вот дома и не было.

Дом — это ведь не камни и не тряпки, это место, в котором тебе тепло и уютно. Нет, это не баня и не сауна. Это место, куда ты хочешь возвращаться, где живут в безопасности твои родные и любимые, место, в котором тебя примут и со щитом, и на щите, и даже под щитом.

Да хоть как! Только приходи наконец!

Это твои близкие и твой дом.

У Ани теперь все это было. И она была полна решимости защищать свое.

Пусть ей осталось немного! Не важно!

Это не повод отказываться от своих близких! Пусть она может дать им совсем мало времени, но она хотя бы покажет, к чему стоит стремиться!

Сегодня она решила навестить свою старую квартиру. Проверить, как там дела, как соседи...

Дошла. И даже поболтать успела с Ольгой Петровной, вот бы кого вместо служебной собаки! Как она только чувствует, когда кто приходит? И ведь выскакивает!

А потом Кира опять прислала сообщение.

«Анечка, срочно нужна помощь».

И адрес.

Телефон ее не отвечал. А Борису Анна звонить не стала, мало ли что? Да и ехать было недалеко. Буквально два шага. Проще даже добежать, посмотреть, что и как, на месте, и решить, кому звонить. Мало ли во что девочка могла вляпаться?

Репутация, знаете ли, страшная штука, особенно девичья. Беречь требуется.

Вот и указанный дом.

М-да. Раньше так строили. Четыре квартиры, четыре отдельных входа, четыре крылечка с четырех сторон. Предок таунхаусов. Рядом с каждым крыльцом палисадник, три более-менее ухоженных, а вот тот, к которому ее вызвала Кира, вообще травой по пояс зарос.

Анна поежилась.

Попробовала еще раз набрать Кире.

Нет ответа.

И что тут происходит? Куда вляпалась ее подопечная? Казалось бы, у Анны законный выходной, а Кира должна быть в школе. У них там какие-то мероприятия. Но девочка написала про город, а Анна все равно здесь.

Вот и добежала.

Анна, преодолевая дурные предчувствия, поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

— Войдите, открыто, — прозвучал насмешливый мужской голос.

Анна спокойно толкнула дверь.

Да, по случаю весны руки у нее были в перчатках. Кожаных, тонких, отпечатков она не оставит.

— Кира?

— Ты проходи, проходи. — Голос был неприязненным. — У нас долгий разговор будет.

Аня только что плечами пожала, мгновенно успокаиваясь. Если это не Кира... ну и не страшно тогда ничего. И что же вам надо, Иван Игоревич? Судьба Лизы, вашей сестры, ничему не научила?

Внутри предок таунхауса выглядел достаточно убого. Крохотная, размером с клетку для канарейки, прихожая, из нее проход в гостиную, из той — в кухню и спальню. Из кухни открывается вход в санузел. Да, тяжело тут жить, наверное.

И ремонта последние лет пятьдесят не было, обои еще Хрущева помнят, вон газетная вырезка на стене, с фотографией Никитки и кукурузы. И там еще кто-то на заднем плане. Видимо, дорогой хозяину человек, иначе не вывели бы эту газету на стену как реликвию.

Стены грязные, полы замызганные...

— Добрый день, Иван Игоревич. Где Кира? — ледяным тоном поинтересовалась Анна.

— В школе, конечно.

— А сообщение?

Парень кивнул в сторону компьютера.

— Сейчас такие умельцы водятся. И сообщение можно отправить с любого номера.

— Понятно. Итак, я вас слушаю. — Анна даже не перехватывала инициативу. Не издевалась.

Сказано про долгий разговор, вот и не надо терять время.

Молодой человек Аниным терпением и воспитанием не обладал, а потому и начал «в лоб»:

— Сколько тебе Борька платит?

— Простите?

— Сколько Борька тебе платит за то, что ты с ним спишь?

Анна перебрала все варианты ответа. Отрицать? Глупо, они особо в городе и не прятались, только в доме, чтобы дети не видели. Соглашаться? И озвучивать цену? Фу! Утверждать, что она не продается?

Смешно как-то...

Анна растянула губы в улыбке:

— Это бонус.

Такого ответа он не ждал, и даже замешкался на минуту. А потом...

— Бонус, значит! А моя сестра как там оказалась?

— Где именно?

— Ты Борьку науськала от нее отделаться?

Анна качнула головой:

— Нет. Я знала, что она изменяет Борису Викторовичу, но идей ему не подавала.

— Врешь!

— Считайте, как вам удобнее.

Иван считал. И выглядел сейчас очень решительно.

— Раздевайся.

— Зачем?

— Фотосессию устраивать будем. Сейчас ты разденешься, выпьешь таблеточку и продемонстрируешь чудеса камасутры. А потом... отправлю все Борьке.

Анна даже не испугалась.

Сломалось в ней что-то очень важное. Сломалось после четвертой жертвы.

— А с кем я буду эти чудеса демонстрировать?

— Для начала со мной. А потом еще кого-нибудь позовем, тут народ за бутылку что хочешь сделает!

Спокойствие Анны сбивало Ивана с толку.

Вот бы она начала, как приличная женщина, кричать, бороться, драться... тогда было бы проще. Можно было бы схватить ее, скрутить...

Анна даже не двигалась особо. Стояла, смотрела...

Руки спокойны, ноги неподвижны. Словно она ничего не боится. Но почему?

Она здесь одна, Иван это видел! Наблюдал в окно... так что происходит? Она думает, что на нее не поднимут руку? Что он не справится? Что не сладит с одной девчонкой? Или как?! Не понять...

Ответа он так и не дождался, потому что Анна сдвинулась с места. Прошла по комнате, отодвинула его, словно мебель, заглянула в спальню, в которой уже было все приготовлено и даже товары из секс-шопа разложены.

— Никого. А тут?

На кухне и в туалете тоже никого не было.

А значит, руки у нее развязаны. Свидетелей тоже не будет.

— А ну, иди сюда! — рванул ее за руку Иван.

И...

Анна подалась к нему, почти влетая в его объятия. И шепнула на ухо лишь одну фразу:

— Умри, во имя Хеллы.

А больше ничего и не потребовалось.

Иван так и не успел осознать, что произошло. Он оседал на пол, подламываясь в коленях, и лицо было удивленным и растерянным... он ничего не понял.

Ничего...

Анна смотрела спокойно.

Чудовище?

Нет, она себя не считала чем-то ужасным. Она сюда пришла по вызову этого парня. И не сумеет она себя защитить... вот у него на столе и шокер лежит, чтобы вывести ее из строя, не убивая. Вдруг она сопротивляться начнет? Ткнуть шокером да и сунуть таблетку, пока будет в себя приходить.

Вот и таблетки... Название Анне ни о чем не говорило, и притрагиваться к ним она не стала.

Что тут еще есть?

Видеокамера. Небольшая, но профессиональная. Она стоит на треноге, в спальне. Явно приготовлена для записи, но пока...

Нет, пока она не работает.

Темная, матовая, ни одного огонька не горит. Все равно, надо ее забрать с собой.

А что еще?

Сотовый телефон. Память Яны подсказывала, что его надо забрать и выкинуть куда подальше. К примеру, в канализацию. Телефон отдельно, карту отдельно. И телефон хорошо бы еще и сломать.

Компьютер? Так... не надо его брать. Есть вещь, после которой информацию на нем и так не восстановят. Форматирование называется.

Правда, останутся следы в интернете, но это сначала еще надо их поискать додуматься. Чтобы они к ней привели...

Так... «Форматировать?» Да! Тут и ума большого не надо, подала команду, а все остальное система сама сделает.

Деньги?

Анна усмехнулась. Она отсюда больше ничего брать не станет. И хорошо, что сейчас весна, она одета достаточно просто. В куртку всепогодного синего цвета, таких на улице много, и длинную юбку. Капюшон она тоже накинула, еще когда по улице шла. Дождик моросил... такой противный, промозглый...

Опознать ее не должны. Да и...

Анна кивнула своим мыслям, сунула камеру и сотовый в сумку, а потом вышла из квартиры. И дверь открыла настежь.

А на крыльце бросила несколько купюр, которые нашлись у Ивана в карманах.

Вот так!

Теперь аборигены отлично вынесут все сами. И следы затопчут. А то и тело куда денут... Анна вникать в это не собиралась.

С ее точки зрения, она была полностью права.

Она Бориса ни на что не подначивала. Слова ему не сказала. И Лизу никто не заставлял гулять по мужикам. Сама напросилась.

Ивана никто не заставлял ей мстить за то, чего не было. Тоже мне, герой! За поруганную честь сестры... была ли там честь?

Не было. И мстить не за что и некому.

Анна не знала, что Игорь Иванович завинтил гайки детям, понимая, что слишком многое им разрешил. Что Ивану было сделано строгое внушение, что ему ограничили карманные деньги...

Надо парню было найти виноватого. Вот он и нашел... на свою голову.

Что ж. А мы поищем ближайшую канализацию.

Рядом с коллектором никого не было, кроме двух бродячих собак. Анна спокойно разбила подобранным кирпичом и сотовый, и камеру, а потом спихнула все в люк.

Карту от телефона, подумав, кинула в ближайшую лужу и придавила каблуком. Грязная вода ее быстро приведет в негодность.

Хелла, спасибо тебе.

За эту возможность защитить себя — спасибо.

Но, к чести Анны, решить так проблему с Ольгой Сергеевной Цветаевой она даже не подумала. Точнее, подумала — это нормально. Но тут же отвергла как плохую идею.

Мертвеца ничему не научишь. А это все же бабушка Гошки...

Вдруг она еще поумнеет?

Ида, Свободные герцогства

— Ma charmante fille... — доносилось с улицы.

Ида застонала и зажала уши подушкой. Спать хотелось до безумия. Ан нет!

Явился, зараза, не запылится! Анечка, милая, почему ты меня стрелять не научила? Ида медленно, но верно созревала до мысли об убийстве. И силы, и терпение — у нее все постепенно подходило к концу. А вот зверское желание убить росло.

Тор Армандо Рессаль вел осаду по всем правилам.

Сначала посылал цветы и сладости. Потом, когда их попросту отказались брать даже слуги, перешел к планомерной осаде. Договорился с полицейскими, и те проходили мимо, улыбаясь в усы.

А что?

Любят же! Вот чего тебе, баба, надо? Мужик и так и этак, и по-хорошему и с поклонами, а ты не даешь! Даже надежду!

И поди ты объясни, что Иде этот хороший и замечательный и даром не нужен! Она бы и приплатила, чтобы кто забрал!

А Армандо вовсе... юродствовал! Другого слова Ида подобрать не могла!

Выложенные на мостовой сердца из роз!

Серенады!

Концерты под окнами!

Хоть бы кто из соседей на него кобеля спустил! Да хоть в каком смысле! Хоть в прямом, хоть в переносном! Ида б лично аплодировала!

Но — нет!

Улица была тихая и спокойная, Ида сама такую выбирала. И самое обидное, что часть соседей тоже Армандо сочувствовала... вот почему?!

Почему мужчина так воспринимается?

Не объяснишь же, что она не ломается, не набивает себе цену, не... он просто ей не нужен. И эта дурная назойливость...

Пока они с Яной ехали в Ирольск, разговаривали. В том числе и в словесные игры играли. Например — купи слона. Не хочешь? А ты купи слона! Не можешь? А ты все равно купи слона... Ида в тот раз едва Яну не стукнула. Но хоть посмеялись вдоволь.

А тут...

А ты купи слона!

Вот Ида себя так и ощущала! И ей-ей, слона бы она уже купила! Если бы это избавило ее от Рессаля.

От Кости было всего одно письмо, которое она бережно хранила в шкатулке и перечитывала, когда бывало тоскливо.

Вот и сейчас...

Девушка протянула руку к шкатулке, коснулась, но доставать не стала. Она и так все знала наизусть.

Костя писал, что добрался благополучно.

Что любит ее.

Что ждет новой встречи и верит в лучшее. Он постарается прислать человечка, чтобы Ида передала ему письмо, но тут уж как получится.

Ида давно уже составила это письмо. Дайте две минуты — и она напишет... был и подарок. Ида решила послать Косте медальон — и в нем колечко из своих волос.

Да, такое дарили. Обещая любить, заботиться, верить... ждать.

Вернет?

Значит, разрыв.

Пришлет свое?

Можно говорить о помолвке. Правда, благословения спрашивать не у кого, разве что у Полкана...

— Аморе, аморе фау...

— Ау-у-у-у-у! — поддержал певца Полкан.

Ида застонала.

— Радость моя! Ты-то...

Полкан ничего плохого в своем вое не видел. Чего не поддержать компанию? Там, за окном, у певца брачный сезон... У Полкана, правда, нет, но от такого — взвоешь!

Пес уже поправился, прихрамывал немножко, но Иду сопровождал как тень. И пресекал все попытки Армандо заговорить.

Попробуй подойди к девушке, рядом с которой ярится и щерится собака. Не кидается, не брешет — умный.

Но вздыбленная шерсть на затылке, но оскал клыков...

Полкан отлично понимал, по чьей милости он пострадал, и прощать не собирался. Мало тебе, зараза? Ты еще и хозяйке надоедаешь?

Ну, я тебя...

Сделать с ним что-либо Армандо не решался. Понимал, что после такого с Идой не просто разговаривать не получится... его просто убьют. Чтобы землю не поганил. Но и разговора рядом с Полканом не получалось. Не кинется — он умный. Но и неприятно как-то... а вдруг? Уж очень там клыки выразительные.

— Тора Ида?

Жама Эльза поскреблась в дверь.

Ида застонала, понимая, что поспать точно не удастся, но встала и пошла открывать.

— Да, жама?

— Тора Ида, вы ведь тоже не спите...

— Да кто б под этот кошачий концерт уснул? — огрызнулась девушка, окончательно стирая все классовые границы. Сил не было ни на что.

Жама Эльза покачала головой:

И то...

Хозяйку свою она уважала и даже любила. Это сначала она невесть что думала, а потом все стало ясно. Беженка из Русины? Так оттуда даже тараканы разбегаются! Жить хотят...

Ясно же, что тора, что судьба так сложилась, а так хозяйка — настоящая, природная аристократка, с кости и крови... и порядочная. Уж слугам-то оно завсегда известно.

Слугам, соседям... люди не слепые, все они знают. Им змею за голубя не продашь. Если б Ида водила кого... но — нет. Утром — в лечебницу, вечером — домой, все с собакой, один раз появился мужчина, но приличный, солидный, и опять же! Ухаживал, но ничего у них не было.

Может, поцелуй, но не больше.

А это правильно. Девушка себя до свадьбы блюсти должна. Не тратить на каждого-разного-мимохожего...

Хорошая девушка.

Правильная.

А Рессаль — пакость, сразу видно. Холеная-лощенная, но дрянь. И то, что он тут под окнами прыгает... и что? Не дали ему сразу, вот и заусило паршивца. Он бы еще ногами о пол поколотил, как в детстве. Хочу-хочу-хочу!!!

ТЬфу!

— Тора Ида, коли вы позволите...

— Что угодно. Лишь бы эта пакость замолчала и убра-лась, — от души высказалась Ида.

Не подобает ее высочеству?

Да дома, в Русине, она бы на него спустила всю псарню... нет! Дома, в Русине, на него хватило бы одной Аделины Шеллес-Альденской. Сожрала бы с костями и не глядя.

Увы, здесь Герцогства. Не Русина.

А потому Ида посмотрела тоскливо, жама Эльза ухмыльнулась — и достала ведро с водой.

Большое, тяжелое.

— Посторонитесь-ка, тора...

— Жама, а можно?

— А разве нет? Это нечистоты нельзя на мостовую, а вода чистая. Ну почти, я в нее чуток мыла плесканула. Так отмоется лучше... И-их!

Последние слова жама Эльза договаривала, выплескивая ведро.

Размах у дамы был могучий.

Ш-ших!

И Армандо окатило с ног до головы. Чистой ледяной колодезной водичкой. А холодно... как-никак вечер. Поздний.

Мужчина фыркнул, отряхнулся... ага! Мыла жама Эльза все же от души плесканула. Едкого такого...

Глаза не выест, но промыть их надо было срочно, щипало немилосердно.

Пришлось свернуть серенаду и удалиться.

Ида перевела дух, а жама Эльза решительно захлопнула окошко — и задернула штормку.

— Ложитесь спать, тора. И не переживайте, мне не в тягость будет еще раз... мостовую помыть.

С каким же удовольствием Ида подгрребла под себя подушку!

Спать, спа-а-а-ать!

* * *

Оставить такое без внимания Армандо никак не мог. И на следующий день решил взять реванш.

А именно, в очередной раз подкараулил Иду.

Не один. С букетом в руке и маленькой собачкой дворняжких кровей на поводке.

— Тора Ида, мое почтение...

Ида оскалилась, не хуже Полкана... сейчас пес кинется...

Армандо пихнул собачку ногой, та заскулила...

Полкан даже на задние лапы осел от неожиданности.

Принюхался.
Ида поняла быстро.
Армандо решил сделать подлость и взял с собой течную сучку.
И..
Отстегнул поводок.
Ах ты ж..
Почувствовав свободу, дворняжка не рванула наутек, а кокетливо поглядела на Полкана. Мол, присоединишься? Та-акой мужчина..
Полкан колебался. Несколько секунд.
А потом... рык у пса получился такой, что сучка жалобно завизжала, хоть и понимала, что ей ничего не грозит.
Прижалась к ногам Армандо — и описалась.
Тор Рессаль выругался. Пострадали и ботинки и брюки... и как тут вообще очаровывать даму, когда от тебя псиной воняет? И окрестные кобели на запах подтягиваются?
Ида фыркнула. Развернулась и прошла мимо.
Сегодня ей повезло.
Нет, ну как бы отвадить этого мерзавца, чтобы с гарантией?

Русина, Звенигород

— ...!!! И ...!!!
Пламенный разорвался так, что было даже страшновато смотреть.
Будешь тут!
Пришли газеты из Ирольска.
Да..
Ее величество императрица Анна, извольте любить и жаловать.
С мыслью про княжну Пламенный даже как-то смирился. Но — императрица?! Законная?!
И чем тут крыть?!
Снимки делались под строгим руководством Валежного, поэтому отлично было видно и саму Яну. И в фас, и в профиль, и кольцо на ее руке..
Ее величество.

Недаром звонил колокол в Звенигороде. Ой недаром...

Императрица дала интервью. Собственно, она дала его всем желающим, и репортеров было много. Яна рассказывала про свою жизнь во дворце, уверенно опознавала знакомых, рассказала и о своей «смерти». С ее слов выходило так, что пришли освобожденцы и повели всех в комнату. А там поставили к стенке и начали стрелять.

Анна не растерялась.

Ее только царапнуло, она упала и ждала, пока расстреляют патроны. А потом...

Потом достала свое оружие, которое ей подарили и которое она провезла с собой. И перестреляла негодяев.

Легко?

Нет, легко не было.

Она была серьезно ранена, она с трудом уползла из дома... Сожгла?

Да, она его и подожгла. Не могла допустить, чтобы тела родных попали в руки негодяев. Ну и решила... она плохо соображала из-за кровопотери. Ей было плохо!

Она свалилась в лесу, ее нашли крестьяне и выхаживали.

Семейство крестьян благородно предоставил тор Изюмский, но об этом никто не знал. Крестьян-лесовиков тоже сфотографировали, те рассказывали, как нашли этот... ахто... авто... короче, самобеглую телегу они нашли! И тору внутри!

Как было бросить человека?

Болела она долго, бредила, но все ж поправилась. А дальше — как в сказке.

Выздоровела, подумала о судьбе Русины, нашла возможность сообщить Валежному... а кому еще? Он монарха не предавал... хотя бы не впрямую.

И что самое ужасное...

Ее величество открыто признавалась в своей неспособности править. И более того, сообщала, что обязана выйти замуж и править Русиной, по праву наследования, будет ее супруг. Потому что род Вороновых не оправдал надежд.

Он не должен наследовать трон.

Поэтому...

Кто станет супругом императрицы?

И снова — потрясение.

Яна заявила, что это может быть как тор, так и жом.

«...я считаю, что истинное благородство не зависит от крови. Мой отец был императором, но не оправдал возложенных на него надежд. Великий князь Гавриил предал своего племянника. Меня спасли простые люди. Обычные жомы, которые могли бы бросить меня на съедение зверью, но они проявили благородство, достойное трона. Поэтому мужа я выберу, исходя из единственного соображения — блага для Русины...»

И как такое пережить?!

Пламенный метался по комнатам и матерился так, что цветы повяли.

Жама Голубица послушала мужа да и удрала подальше. Надо бы обратно, в Борхум или Лионесс, а то так... Кто сказал, что жом Пламенный овдоветь не может?

Запросто...

Элегантно и не пачкая ручек. Лучше держаться подальше и не показываться. Жама растворилась в пространстве так, что ее бы и с собаками не нашли.

А вот тор Мишель, сынок Гавриила, ее умом не отличался. Вот и полез... на свою голову.

Ворвался, потрясая газетой...

— Жом Пламенный, вы это видели?!

— Видел, — обернулся к нему Пламенный. — Еще как... видел! Стерва!

— Еще какая! Подумаешь, предал ее мой отец! Да что она вообще понимает?! Несет всякую чушь...

— Вот и я так думаю, — подтвердил жом Пламенный. — Чушь полная...

— Я дам опровержение в газеты!

— Обязательно. Дайте...

Будь Мишель чуточку поумнее, он бы обратил внимание на тон Пламенного. Но... слишком сильно его зацепили слова Яны.

Предатель? А он — сын предателя. И отцеубийца, если так-то. Кто за ним пойдет? Никто и никогда. О троне можно не мечтать.

Только вот что он не нужен больше никому... он так и не понял.

И вышел, кипя благородным негодованием и подбирая лучшие слова для опровержения.

Пламенный уселся за стол, успокаиваясь. Налил себе дубовика. И — приказал позвать Урагана.

Тот явился без промедления.

— Мишеля Воронова арестовать и расстрелять, — просто приказал Пламенный.

Ураган качнул головой:

— Арестовать — хоть завтра. Но предлагаю подождать с расстрелом.

— Что?!

Пламенный даже ушам своим не поверил. Ураган? Колеблется?

Рыцарь Освобождения не готов выполнить его приказ?!

Небо на землю рухнет, не иначе.

Потом пригляделся и понял, что дело в другом. Не в жалости, не в сомнениях, просто — трезвый расчет. А это ничего, это правильно. Это в сказках рыцари глупые, в жизни-то они куда как поумнее были, иначе не выжить.

— Он может еще пригодиться, — объяснил свой порыв Ураган. — Если поторговаться с тем же Валежным. Или с...

— Самозванкой.

— Или с самозванкой, — согласился Ураган. Хотя был уверен, что Анна — настоящая. — Мало ли как дело сложится, расстрелять всегда успеем?

Пламенный хмыкнул, успокаиваясь, и признал, что верно.

Успеем.

Всех расстрелять! ВСЕХ!!!

А этого сначала посадить, а потом...

Жом Ураган кивнул и отправился исполнять приказ. Арестовывать и препровождать.

Жом Пламенный посидел за столом еще минут двадцать, окончательно успокоился и отправился на поиски супруги.

Жама Голубица нашлась не сразу. У нее тоже были серьезные дела. Что может быть важнее собственной жизни и безопасности?

* * *

— Жом Тигр, вы видели?

Тигр контролировал себя лучше Пламенного... Ну как — лучше?

Просто жама его спальню не видела. Разнесенную в клочья. Целым там остался только портрет... и то при взгляде на него у жома кулаки сжимались.

Замуж собралась, р-радость моя?!

Р-размечталась!

— Видел, жама. Еще и не такое видел.

Голубица кивнула и сразу же перешла к делу. Не до любезностей.

— Жом Тигр, что вы собираетесь в связи с этим делать?

Тигр мило улыбнулся и поцеловал жаме руку.

— Жама Голубица, вы знаете, что можете всегда на меня рассчитывать?

— Д-да, жом...

— Начнем с того, что я предоставлю вам охрану. И прошу никуда без нее не ходить.

Жама Голубица довольно кивнула.

— А еще?

Явно же, продолжение будет. Если это — начало.

— А еще вам надо срочно поправлять здоровье. Думаю, вам очень нужно в Чилиан.

— Чилиан?

— Разумеется! На воды! Или к их знаменитым травникам. Там у нас, правда, нет никакой агентуры... ну почти, но здоровье всегда важнее...

Жама Голубица сообразила и закивала.

— Да, жом. Вы правы. Вы же мне предоставите людей для сопровождения?

— Жама, вы можете на меня рассчитывать, — заверил ее Тигр.

Хвоста крысёго Пламенному, а не Яну! Пусть и не надеется овдоветь раньше времени!

К моменту, когда Пламенный начал разыскивать супругу, у нее с Тигром все было договорено. От и до.

И куда она едет, и с кем, и зачем... Да, а заодно жом решил воспользоваться случаем и попросил жаму закупить продовольствие. Кое-какие деньги у него были... ну и еще скоро будут. Вот пусть займется полезным делом.

Жама Голубица соглашалась на все. Да, она поедет лечиться. И сделает личное одолжение милейшему Тигру. Поговорит с купцами. Муж? А мужу о второй части знать необязательно. И людей ей Тигр с собой даст, непременно! Как же без них?

Это и было высказано Пламенному, когда тот, обегав весь Кремль, обнаружил супругу в своих же собственных покоях. В спальне и с перевязанной головой.

Она болеет.

Она себя плохо чувствует.

Она уезжает лечиться в Ламермур и надеется, что дорогой супруг поймет ее правильно. Ей нужен более мягкий климат и морской воздух...

Пламенный не возражал. И даже пообещал дать ей своих людей в сопровождение.

Жама Голубица поблагодарила и согласилась.

Пусть дает! Муж обязан заботиться о своей жене, ведь так? А что поменяется и маршрут, и сопровождающие... ну так дело житейское. Бывает.

Мужу-псу не показывай... холку всю. Так ведь?

Вот она и не покажет!

Хормельская волость

— Упырица!

Х-хэсмь!

Прилетело Гришке не слабо, но парень все равно тыкал пальцем в газету.

— Точно говорю, энто ж она! Упырица! Которая Сеньку съела!

— Энто анператрица, дурень!

— Да нет же! Упырица! Ой, маменька! Энто что ж, Русиной упырица править будет?!

Конюх, поняв, что воспитательные меры в виде подзатыльников не дают нужного результата, задумался. Почесал затылок. И кто знает, что бы придумал, но на конюшню зашла та, кого тут вовсе не ждали.

Любовь самого батьки Счастливого.

Валентина.

— Федя, где у тебя тот паренек, который с Сенечкой был? Поговорить бы мне с ним?

— Дык... вот... это!

Конюх решил не забивать себе голову излишними сложностями и удалился выгрести навоз. А вот Гришка все как на духу выложил доброй тете Вале.

И что была баба!

Да, вон энта, что в газете!

И что она превратилась в упырицу.

И сожрала бедного Семена, вот как есть, а у него-то образок, вот он и уцелел! Вот, святой, с Фарафон-горы, с коим теперь бедный Гришенька не расстанется! Небось без него и уснуть-то не получится. Спас его образ от нежити поганой! А то б и его сожрала, нечисть жуткая...

Валентина слушала, поддакивала, размышляла... и отправилась к Никону.

* * *

— Валька! Ну что ты несешь, дура-баба?!

А что еще должен сказать нормальный мужчина?

Вот он лежит довольный, разнеженный, доказавший любимой женщине, что он мужчина и еще о-го-го, а она тут...

Нет бы кваску подать, или пожрать чего сгоношить... так ее поговорить растащило! Вот что за манера у баб — все удовольствие портить? То им про любовь языком молоти, то им еще чего...

— Никон, миленький... — Квас Валька таки подала, и рядом присела, и по груди погладила, спускаясь все ниже и ниже, этак... с намеком. — Ты послушай меня всерьез. Ведь и так быть может, разве ж нет? Ты знаешь, что застрелили анператора со всей семьей... а может, и правда, одна из его дочерей из могилы выбралась? Упырицей стала? Бывает ведь такое, коли душу Темной запродашь! Ишшо как бывает, бабки говорили...

— Да дуры старые твои бабки!

— А кровь кто заговаривает? Кто твоих бойцов лечит, скажешь, не они?

— Ну...

Тут крыть и правда было особо нечем. Пара дохтуров у Счастливого имелась, но учитывая, сколько они пили... Ей-ей, лечение от бабок действительно выходило более эффективным.

— Вот! Небось потому ее раньше и не показали, что упырица она! И кровь пьет... а как сил набрала достаточно, чтобы на свету находиться, али еще чего...

— От меня ты чего хочешь?

Чего хотела Валентина?

Да за брата расквитаться! А упырица там, императрица — вот уж что ее ни разу не волновало! Она б кому угодно в косы вцепилась.

Но коли уж так...

— Святой водой ее облить надобно! Тогда задымится нечисть да и сгинет! Не переносят они святой воды и святого хлебушка...

— И что?

— Так ежели Валежный... энто...

Никон едва не застонал.

Чего хотела дура-баба?

Да считай, что и пустяк!

Пусть он Валежному, значит, отпишет, что все знает... или вообще пустит Валечку туда поехать... в Зараево... или в Ирольск, куда там анператрица поедет... ну и того ее... святой водой!

За Сенечку!

А то как же?!

Нельзя ж так, чтобы она... того — и безнаказанно?

Нет, никак нельзя...

Атаману оставалось только застонать. И решительно натянуть штаны.

А что?

И возраст уже не тот, чтобы, значит, и вообще... когда такое требуют, тут любое настроение упадет! Даже самое боевое!

Валька поняла, что перегнула, повисла на шее, зашептала ласково, заворковала...

Штаны Никон снял. И в постель вернулся.

Но соглашаться?

На такое?!

Да вы что — ополоумели вконец?! Никогда! Ясно?

И ни за что!

Глава 2

СОБЛАЗНЫ И СТРАСТИ, ЛУНУ И ЗВЕЗДУ..

Русина, Ирольск

Совет был небольшим. Всего три человека.

Валежный, Яна, Изюмский.

А больше никого и не приглашали. И совет-то собрался, чтобы коллегиально сделать то, что надо было сделать еще Петеру, не тем будь помянут, дурак.

Выбрать Анне мужа.

Уж каким там император местом думал, теперь и не скажешь... и его ли то место было или его жены-идiotки, но...

В том-то и беда, что выбирать, считай, не из кого.

Тут же как?

Надо, чтобы достаточно молодой — ему еще править, и весь этот ворох разгрести, и вообще... Вот абы кто такой воз не потянет. Валежный честно признавался, что даже не будь он давно и счастливо женат... все равно он — не!

Войну выиграть — это еще полбеды. Но там же и с министрами, и с политикой, и из казны потянут, и народ кормить надо. Одним словом — спасите!

Изюмский тоже был благополучно женат, но даже если бы и не...

В общем и целом итог был печален.

Те, кто поумнее, те править не хотели.

А те, кто поглупее, те не справятся. Вот такой расклад. Как не справится и сама Яна. Что такое государственная машина? Она примерно представляла. И это...

Это даже не из болота тащить бегемота, как писал классик.

Это тащить из того же болота бронепоезд.

Одной. Голыми руками. То есть — нереально. Даже если б она не была приговорена, она все равно бы не справилась. Это понятно. Вот и сидели они втроем, перелистывали дворянские книги, газеты, пытались найти хоть кого-то...

— Прямо ты хоть за Пламенного замуж выходи, — не весело пошутила Яна. — Сволочь он, конечно, но страну удержит.

— Он тоже женат, — с мрачным юмором сообщил Валежный.

— После изобретения револьвера это не проблема, — фыркнула Яна.

Валежный, который уже привык к черному юмору императрицы, даже не подавился. Разве что меланхолично заметил, что осталось уговорить Пламенного. И... по некоторым данным, он немножечко болен. Дурной болезнью. Так что здорового потомства от него не дождешься.

Раньше он хоть немного стеснялся, а сейчас махнул рукой, да и говорил все, как оно есть. Ну какая Яна тора? Понятно, благородная, но все равно — свой парень.

Яна задумчиво покивала.

Да, здесь это несложно, в отсутствие антибиотиков. Те же гонорея, сифилис... заразишься по молодости, наплачешься по всей жизни. Хотя и в ее веке эти болезни радости не приносили. Вылечиться-то можно, но как оно потом на детях скажется?

То-то и оно...

— Может, кому из иностранных принцев предложить? — подал идею Изюмский.

Яна пожала плечами:

— Теоретически... Кому? Борхум?

— Мы с ними воюем, — сообщил Валежный.

Яна махнула рукой:

— За такой кусок? Они мигом о войне забудут, но там же старший женат, а младший слабоумный! И вообще мне только полдурков в родню не хватало. Это ж по наследству передается.

— Ламермур? Там одни бабы...

— Лионесс? Там наследник есть, но с ними связываться? Не будет Русины, — махнула рукой Яна. — Будет подхвосток Лионесса, они как раз недавно колонии потеряли, им бы хоть где погреть руки...

— Герцогства?

Увы, иностранщина отпадала, одна за одной, словно засохшая грязь с ботинка. Они попросту не подходили. Те, кто может жениться, не смогут справиться. Да и народ...

Будем честны, вряд ли они сейчас примут любого иностранца, как мужа императрицы. Свой и только свой.

Но — кто?!

В дверь робко постучали.

— Да! — рывкнул Изюмский, который тоже отлично понимал всю остроту ситуации.

— Тор Ромашкин принять просит.

Дмитрий временно вернул себе титул, так было проще и для Валежного, и для Яны. Яна и высказалась первой, понимая, что она тут императрица.

Вот ведь беда...

Она не знает, что делать, но должна решать.

А Валежный не лезет вперед нее. Всем мужчина хорош, но Русину не потянет. Не сможет. Полком командовать проще. Войну он выиграет. Но мир не выдержит.

— Так приглашайте, тор генерал, приглашайте. Полагаю, не просто так он явился?

— Даже не сомневаюсь.

Валежный предпочел бы сначала выслушать Дмитрия наедине... ну хоть предупредить, но... ладно уж! Все одно... бронепоезд из болота им вместе тянуть! Вот и не стоит разводиться секретностью на пустом месте.

Да и разговор зашел в тупик. А в таком случае надо попробовать переключиться на что-то другое... не получается взять крепость штурмом в лоб?

Ну и ладно, иди в обход! Пытайся подкоп сделать, взорви ее к лешевой матери... но не повторяй одно и то же.

Может, чем появление Дмитрия и поможет? Все ж не дурак. А что дело сложное...

Чего секретность-то лишнюю разводиться? Все равно через месяц об этом вся Русина узнает!

* * *

Яна с интересом рассматривала Дмитрия Ромашкина.

Есть порода мужчин, которые до старости выглядят... не мальчишками, нет. Но за студентов они сходят спокойно. Угловатое телосложение, тонкокостный, даже хрупкий с виду. Но при этом, когда он двигался, словно перетекал с места на место, Яна понимала, что под простой одеждой перекачиваются литые мышцы. Просто высушенные до предела.

Опасный противник.

А то, что он позволил это увидеть...

Яна даже не сомневалась, что в других обстоятельствах Дмитрий был бы до ужаса неловким. Неуклюжим и трогательным.

Немного краски, очки, щенячий наивный взгляд... Дамы должны млеть и гладить милого мальчика по головке. А мальчик может спокойно сломать гладящую руку в трех местах. И не сильно запыхаться при этом. И лицо ему не помеха, чуточку грима — и никаких проблем. Это сейчас видны и острые углы, и морщинки, и выражение у него, как у хорошо травленного волка — мигом зубами рванет. Но если захочет...

Ми-ми-ми будет. И кавальная няша. Яна даже не сомневалась. Этот — справится.

— Тора Яна, — поклонился Дмитрий. И уселся за стол.

Яна этикетом не страдала, а Дмитрий с удовольствием ее поддерживал. Эпатаж был ему и близок и дорог. Вон как у Изюмского глаза хлопают, любо-дорого посмотреть! С его точки зрения, в присутствии императрицы Ромашкин должен или стоять навтыжку или лежать в гробу. А они так мило беседуют. Да и Валежный морщится, субординация ему, как каждому военному, близка и понятна. А Яна по ней потопталась власть.

— Что вас привело к нам именно сейчас? — продолжила светскую беседу Яна.

— Я уезжаю. В Звенигород.

Яна перевела взгляд на Валежного.

— Тор генерал?

— Мое письмо. И ваше, ваше величество.

— Надеюсь, не запечатано?

Валезный качнул головой, протягивая Мите письма, которые тот и принялся читать.

Пробежал глазами, кивнул.

— Хорошо. Если поймают, сразу не казнят.

— Сначала помучают? — невинно уточнила Яна.

— Потерплю. А там и свобода...

— Вас встретит радостно у входа?

— Вы стихосложением балуетесь, тора Яна?

— Хелла упаси, — честно высказалась Яна. — Так, развлекаюсь в свободное от работы время.

— Да, работа у вас — врагу не пожелаешь, — посочувствовал Дмитрий.

— Лучше бы я была извозчиком, — вздохнула Яна, — но кто ж даст?

— Нет, не дадим. — Митя почувствовал, что разговор начинает затягиваться, и перевел его в деловое русло. — Письмо я, конечно, передам. На словах что сказать жому Тигру?

Яна задумалась.

Сказать?

Не сказать?

А потом все же не удержалась. Взяла Митю за рукав и подвела к окну. Приподнялась на цыпочки, чтобы никто другой не услышал. И тихо-тихо шепнула в ухо:

— Передай, что я его люблю.

Оказывается, словами тоже можно подавиться малым не до смерти. Особенно чужими.

Когда Митю кое-как, в шесть рук, подняли, отряхнули и привели в чувство, он на Яну уже смотрел с немалым уважением.

Понятно, императрица и все такое. Это бывает.

Но так дергать Тигра за усы?

Нет, это корона не гарантирует, с этим только родиться надо.

* * *

Когда Митя ушел, двое мужчин воззрились на Яну. Та только головой покачала:

— Не расскажу.

— Ваше императорское величество, — начал Валежный, но был остановлен самым решительным способом.

Яна попросту зажала ему рот рукой.

— Тор генерал. Есть вещи, которые лучше не афишировать. Но я надеюсь, что жом Тигр это оценит.

Оценит...

Скотство, конечно, с ее стороны, вот так...

Скотство и свинство.

Я тебя люблю. Но замуж выйду за другого. Я тебя люблю. Но умираю. Но люблю...

Сволочь она. Но как было не сказать? Может, хоть один раз ее вспомнят не только ругательством? Как-то так и правда получилось, что этот мужчина стал Яне дорог.

Не была она гулящей девкой, и абы к кому в постель бы не прыгнула. Но и так...

— Тора Яна, после ваших слов жом Тигр не может стать нашим врагом?

Рук-то у Яны было две. Но до Изюмского она бы не дотянулась. Вот и открыл рот не по делу.

И сколько можно испытывать ее терпение?

Яна и высказалась:

— Вашим врагом не станет. А вот моим мужем — за просто. Я ему предложение сделала!

И пока мужчины переваривали эту новость, хлопнула дверь. Да скажет она потом, что пошутила! Скажет!

Никто ведь такое всерьез не примет, понятно... бред! Как есть — бред!

Но пару минут нервотрепки мужчины заслужили.

Георгий, Свободные герцогства

— Топыч, мне на почту нужно.

— Зачем?

— Надо. Мама сказала.

В Герцогствах они были уже почти неделю.

Федор Михайлович занимался своими важными делами, а вот малышня сидела в гостинице, в номере. Топыч приглядывал за ними, возился, играл...

Не Михаил? Конечно нет.

Михаил пил.

Когда он узнал, КТО прошел мимо...

Михаил был свято уверен, что его обаяние... он просто не сообразил сразу, что Яна — императрица. А если б сообразил, наверняка она бы в него влюбилась! Он же просто не ухаживал всерьез! И Гошку признавать отказался... Идиот! А если б согласился, они бы с Яной уже месяц как поженились! Разве перед ним можно устоять?!

Михаил, император всяя Русины...

Звучит?

А то нет? Такой шанс прохлопать! Такое упустить!

Как тут с горя не запить?

Федор Михайлович на сына поглядел да и плюнул. По-хоже, собирался помощника из внука растить. Маленького Мишку он таскал с собой везде. И на переговоры, и по закупкам, и на склады... не понимает мальчик?

Так объясним!

А то вон, сына упустил! Но там здо-оровье слабое, ма-альчик болеет, ма-альчику нельзя... послушал жену, идиот?

Ну и получи... в копилку!

Нет, с Мишкой Федор Михайлович такого повторять не собирался. С внуком они были неразлучны.

Машку сегодня тоже взяли с собой — ничего особо важного не предстояло. А если так... пусть дите порадуется. Машка без брата скучала и плакала, так что Федор Михайлович решил побаловать малышню. Пусть едут оба. Гошка и Топыч остались практически одни.

Так, с небольшой охраной в три человека. Двое за дверью, еще один внизу. Мало ли что...

Проблема была в другом.

Даже если они пойдут на почту, ну кто выпустит мальчишек одних? Обязательно ведь пойдут с ними. И доложат потом.

А мама строго-настрого наказала Гошке, чтобы никому.

И ни за что!

И сам пропадет, и других подведет, и скрыться ему будет негде...

Топыч?

Тут другое, если что, это и для Топыча. У купца все ж свои дела, у них — свои...

Это Яна сыну хорошо в голову вбила. И Гошка все уже продумал.

— Топыч, тебе придется меня прикрыть.

— И как же?

— Скажешь, что у меня голова заболела. А я вылезу через окно. Тут водосточная труба удачная, я ее пошатал. Меня выдержит.

— А меня?

— Ну... наверное. Но зачем?

Потап фыркнул.

— Гошка, ты как маленький! Если я сейчас скажу, что у тебя голова заболела, мигом пошлют за дохтуром, а потом запрут тебя под присмотром сиделки. Куда там мне! Год не выберемся!

— Верно... — Гошка сообразил, что как-то не обдумал этот вопрос.

— Поэтому мы сейчас попросим обед в номер. А пока якобы обедать будем, тут и удерем. И обратно подниматься по трубе придется, не то уши надерут.

— Хм...

— Пообедать нам спокойно дадут. Хотя бы полчаса. И охрана кушать будет.

Все верно, к мальчикам в номер регулярно кто-то да заглядывал. Без присмотра их не оставляли, купец понимал, что мальчишки что хочешь натворить могут.

Даже Потап, хоть и старший годами, все одно мальчишка. И дури там хватает.

— А потом с обедом как?

— Скажем, что не успели еще. Или сразу спрячем, что принесли, потом поедим.

— Тоже можно, — кивнул Гошка. — Бар в номере есть...

Бар в номере действительно был. Не было детских номеров, вот купец и снял несколько подряд. А в них, конечно, и бар, и все, что может взрослому человеку пондобиться. И тарелки найдутся.

— Ты знаешь, где тут почта?

— Знаю. Приметил прошлый раз, когда ехали.

— И как добежать запомнил?

— А то ж!

Топыч кивнул.

Ради торы Яны он бы на что угодно пошел. Тора его из деревни забрала, считай, новую жизнь подарила... он бы и сам сбегал, но вот беда! Читал-писал он пока плохо. А ежели на почте обманут?

Вдруг?

Или он сам ошибется?

У них же ни конверта, ни марки, все на почте покупать придется...

Так что бежать им вместе. Гошке писать, ему — охранять и опекать. И по шее огребать, если что, вместе. Так правильно.

* * *

Не подозревая о замыслах мальчишек, купец тем временем поставил перед доктором Ромарио банку с серым порошком.

— Вот, значит.

С доктором он был знаком уж давненько, тот лечил супругу купца. И не его вина, что лечение не помогло. Меншиков помнил Ромарио как крепкого профессионала и фаната целительства.

— Вот?

— Человек, который рассказал мне этот рецепт, уверял, что он хорошо помогает от кровохарканья.

— Неужели?

Скепсис в голосе доктора было легко предугадать. Помощь при кровохаркании? Болезни, которую не излечивает ничего? Которая вот уже не один год является синонимом быстрой и неотвратимой смерти?

Позвольте вам не поверить.

Улыбка купца была даже чуточку снисходительной.

— Жом Ромарио, никто вас не заставляет мне верить на слово. Вы проверьте, проверьте...

— Да? И на ком же?

— Так на больных. Я же знаю, что у вас в больнице целое отделение тех, кто болен легкими.

Это была чистая правда — не поспоришь. Болен, неизлечимо болен... практически — приговор.

— И как это надо применять?

Доктор сильно и не упорствовал. А зачем?

Этим больным уже ничего не повредит. Даже порошок из ослиного кала, если на то пошло! Они все равно обречены!

Федор Михайлович достал листок, на котором аккуратно, округлым четким почерком, записал рекомендации, выданные Яной.

— Вот.

— Вот... понимаете ли...

Ворчал доктор без души. И банку встряхнул — проверить.

— Тут разве что на двоих-троих хватит. И то на детей...

— Так попробуйте на детях, доктор. Что в этом такого? Если получится, так их родители вам еще спасибо скажут...

— А если нет?

Меншиков даже плечами не пожал. Оба они отлично знали, что осталось недоговоренным.

У вас и так не получится. Это — не лечится.

— Я попробую, — сдался доктор. — Где я смогу вас найти?

— Так в гостинице «Талларен».

— Хорошо, — кивнул доктор.

Купец дружески попрощался и подумал, что надо бы еще подсобрать медведку. Не самому, конечно! Этого еще не хватало!

Эта была им набрана еще в Русине. И порошка у него было еще три банки. Будет что выдать доктору. Тора Яна говорила, что это не панацея, что с какого-то момента снадобье может только отсрочить смерть, но не вылечить, но ведь и это уже неплохо!

Это золотое дно, ежели что!

Пусть доктор попробует, посмотрит... а Федор Михайлович пока делом займется. Поговорит со знакомыми. Совершенно необязательно ехать самому в Чилиан, чтобы закупить там зерно! Телефон есть?

Договоримся...

* * *

Проводив посетителя, доктор Ромарио решительно отправился в палату.

Не соврал он купцу. Были у него в пациентах и дети. И на них смотреть было горше всего... такие молодые — и уже. Уже почти нет надежды. А каково их родителям?

Через десять минут он инструктировал медсестру в детской палате. Та смотрела с недоумением, но банку взяла. Доктор — всегда прав.

И порошок начала давать, смешанный с медом, как попросили.

И следить за состоянием детей.

Как и было написано в рекомендациях, в первые дни у всех троих сильно подскочила температура. Потом спала, но началось обильное отхождение мокроты и сильный кашель. У одного из детей стала сильно болеть грудь.

Доктор наблюдал с громадным интересом.

Поможет?

Нет?

По крайней мере, не навредит. Это-то уже ясно...¹

* * *

Вечером в номере Меншиковых довольны были все.

Доволен купец — лекарство начали испытывать.

Довольны Мишка и Машка — целый день с дедом.

Доволен Потап — их не поймали и им не попало. Так, удивились, что ребята слишком долго обедали, но это дело житейское.

Доволен Гошка — на почту они успели и письмо отправили. Недоволен был один жом Михаил, но кто его спрашивал? Сидишь, пьешь? Ну так и пей! И не лезь к людям! Они делом заняты!

¹ Данное средство автору описали очень давно. Четко сказали, что применялось оно ДО появления антибиотиков — раз. А сейчас его лучше применять ВМЕСТЕ с антибиотиками — это два. И да, ничего, кроме туберкулеза, медведка не лечит. Ни гангрену, ни рак, ни язву. (Прим. авт.)

Яна, Русина

Кто-то из мужчин высказывался Мите, что обожает подобного рода сюрпризы.

Приходишь ты, а у тебя в кровати красивая обнаженная девушка.

Митя его тогда не понимал. И сейчас не понял. Потому как приходишь ты, а у тебя на кровати красивая, но полностью одетая императрица. И взгляд у нее такой... внимательный.

Задумчивый взгляд.

Так смотрят, когда тебе уже применение нашли. И поди откажись.

— Гулять изволите, тор?

— Собираться в дорогу, ваше...

— Тора Яна, — обрезала женщина.

— Тора Яна, вы что-то еще хотите передать? Эм-м... жому Тигру?

Яна качнула головой:

— Ни ему, ни кому-то другому. Митя, я хотела вас нанять, чтобы вы поработали по специальности.

— Слушаю? — мгновенно напрягся Митя.

Ситуация была нестандартная. Обычно императрицы не нанимают убийц.

Сами — не нанимают.

Но сейчас и ситуация сложная? Война, проблемы... сделаем скидку на сложности жизни? Нет, не на оплату заказа. Но на его оформление, ладно уж.

Яна развела руками:

— К сожалению, достойных сумм у меня нет. Но возможно, вы примете вот это?

На стол легло то самое кольцо. Да-да, Гаврюшино. Яна таки привезла его из Беркута и решила, что оно вполне подойдет. А что?

Денег у нее нет, драгоценности все у Зинаиды, те суммы, которыми она располагает, маловаты, а просить денег у Валежного...

Как-то некрасиво: «Вы мне теракт не оплатите?»

Митя взял колечко в руки, повертел его... Не сказать,

чтобы сильно дорогое. Камень хорош, и оправка красивая, видно, что модный ювелир делал. И продать можно дорого. Но стоит ли такими вещами торговать? Они обычно с историей... ему не часть императорских сокровищ подсунули?

— И кто его носил раньше?

— Великий князь Гавриил.

— Хм?

— Он немножко померши.

Митя задумчиво кивнул. Повертел колечко в пальцах. Сапфир подмигнул ему синим глазом. Ладно... если Гаврюша... такие колечки можно и внукам передавать. Как семейную реликвию. Жаль, с Гаврюшей не он поработал. Ну хоть помечтать.

— А что? Возьмусь. Кого убирать будем?

— Тор Вэлрайо, — спокойно сказала Яна. — Справитесь?

Митя присвистнул:

— Тора, вы на мелочи не размениваетесь. Пожалуй, я попрошу доплату!

Яна фыркнула:

— Других драгоценностей у меня нет. Могу вот это колечко отдать.

Она насмешливо предъявила Мите черный камень и пронаблюдала, как он аж шарахнулся в сторону.

— Ну — нет!

— Точно?

— Издеваться изволите, тора Яна?

— Изволю. И желаю... вообще, могу расписку выдать. Сколько надо доплатить? — Вот теперь Яна была полностью серьезна.

— Сначала я хочу услышать условия.

— Условия?

— Как его надо убить. Медленно, мучительно, с сопутствующими жертвами, без них...

Яна пожала плечами:

— Желательно без женщин и детей в качестве сопутствующих жертв. В остальном свобода рук. Единственное условие, чтобы все знали, за что его так.

— И за что?

Яна помолчала несколько минут. Память Анны подчинялась все хуже, скоро она вообще перестанет работать. Но пока еще есть время.

— Мой отец хотел уехать. Вэлрайо сначала обнадеживал его, а потом отказал. Есть там такая шестерка, Дрейл...

— Шестерка?

— Не важно. Мелкая фигура, пешка, шушера... вот через него все шло. Все письма... отец умолял забрать хотя бы нас. Но Вэлрайо отказал ему в последний момент.

— За это?

— Да.

Митя задумался:

— Пожалуй, я могу это сделать. И даже без дополнительной оплаты.

— Из спортивного интереса?

— Профессионального.

— Будьте так любезны, тор. — Яна улыбнулась нежной улыбкой голодной акулы.

— Буду, тора Яна, обязательно буду. Сохранить для вас на память парочку газет?

— Газет?

— Не сомневаюсь, это событие получит все передовицы. — Митя уже прикинул, что и как можно сделать, и решил поработать за одно колечко. И колечко с историей, и заказчик с уважением, и добыча...

Вот между нами, диверсантами, лионессцы Митю всегда бесили. Ходят, понимаешь, с таким видом, словно они — пуп земли. А они, может, даже вовсе не пуп, а попа?

И в каждую бочку лезут, и везде ощущают себя правыми, и везде пакостничают, и ничего хорошего миру не принесли...

Да, пожалуй, он поработает за одно колечко. Реализует свои фантазии...

Ах, тор Вэлрайо, что я с вами сделаю...

Яна посмотрела на мечтательное лицо диверсанта, вежливо попрощалась и вышла. И уже за дверью тихо прислула в рукав.

Это ж надо так любить свою профессию!

Русина, Звенигород

Жом Пламенный расхаживал по комнате.

Злоба ему мозги не туманила, рассуждать он был способен вполне здраво. И рассуждал.

Валежный атакует. У него императрица — это громадный плюс.

В тылу у освобожденцев хозяйничают Логинов и Алексеев. Эти тоже своего не упустят — волки. Считаю, их загнали в угол. Но...

Один вариант все же остается.

Если императрица выходит замуж... да хоть бы и за него! Почему нет?

Гулька?

А что — она? Пламенный подумал, что надо бы отдать приказание... кому?

А вот, кстати говоря! «Счастливики» — подойдут. Своим нельзя, слишком уж подло получится... ладно! Получится хорошо, но если б хоть месяцем раньше! Тогда можно было и обвинение какое сфабриковать, и обвинить жену в расхищении, в предательстве народного доверия, в... да хоть и в государственной измене!

Какому государству?

Государство — это я! А свидетелей измены найдем десяток. Не важно!

А вот сейчас только дурак не поймет. Когда императрица объявила на всю страну, что династия Вороновых нынче недостойна...

Она-де приняла Русину у отца, но нести ее не может. А потому отдаст ношу достойнейшему... и вы хотите сказать, что в таких условиях еще кто-то воевать будет?

Конечно, можно объявить ее самозванкой.

Можно закричать на всю страну, что Валежный нашел куклу, подмену, фальшивку...

И нельзя!

Глупо получится, а глупым жом Пламенный выглядеть не желал.

На фотографиях Анна — копия самой себя. Чего уж там. Похудевшая, с решительным выражением лица, в непривычной одежде, но кольцо то самое.

И колокол звонил.

И... итак, принимаем, что императрица настоящая. Тогда есть два варианта. Первый — драться.

Пламенный понимал, что так тоже можно. Но... подержат ли его освобожденцы? Или — нет? Положа руку на сердце, Валежный — даже без императрицы был бы в Звенигороде к осени. С большой долей вероятности. Это мир он не выиграет, а войну еще как запросто! И прекрасно Пламенный знает, что тот же Броневой, тот же Ураган, те же... да тот же Тигр — все имеют счета за границей. И знает, кто удерет при малейшей опасности для своей шкуры. И...

Вот — такой же человек и в зеркале отражался. Будет Пламенный класть свою жизнь на алтарь Освобождения? Э-э-э-э-э... а кто тогда будет освобождать Русину?

Примерно так и рассуждают все его сподвижники. Это быдло не жалко — тупое, серое, которое слушает сладкие речи на митингах, тянется за кусками и медяками, которое и из пулеметов положить нестрашно... а чего им? Бабы еще нарожают!

А коли ты такой дурак, что лезешь в замятню, поделом тебе и будет!

А себя-то Пламенный любил и ценил...

Но если предложить всем пойти на переговоры с Валежным... а вот тут-то и может прокатить. И предложить выбрать самого достойного императора, из своих... и отстраниться от гонки, он ведь человек женатый...

Конечно, самых умных так не проведешь. Но и они свои головы класть не захотят за понюх табаку.

А народ?

Помилуйте, кого волнует, что думает народ? За него прекрасно подумают! А способы убеждения известны еще со времен древних греков... Как звали того политика, который отрезал хвост своей собаке? И ведь обсуждали все тот хвост, а что бюджет попилили, так и не заметили...

Народ-с!

Со свободным волеизъявлением...

Пламенный хмыкнул хорошей шутке и отправился писать письмо Счастливому. Пусть его...

Подождем пока мир заключать. Есть «счастливчики», есть Броневой, вот если Валежный до столицы дойдет, тогда подумаем. А пока потрепыхаемся. И мир надо на своих условиях, а не на его, это уж точно. Было у Пламенного подозрение, чью голову попросит Валежный. Было. И головы ему было жалко. Привык уже...

Русина, Ирльск

Алоиз Зарайский оглядывал перрон почти хозяйским взглядом. И город тоже...

Императрица была здесь.

А значит...

Выигрыш близко. Надо только к ней прорваться. И оказаться рядом, втереться в доверие... для этого уже все готово.

Алоиз решительно направился к первому же военному патрулю.

— Тор офицер. Разрешите обратиться?

— Слушаю, жом?

Видно было, что вежливый тон дается офицеру нелегко. Но...

Яна предупредила Валежного, что любому нахалу она сама отвернет голову. Лично.

Хватит разделения на торов и жомов, мало огребли? Так жомы с вами еще поделятся. Нет, не кренделями! Понимать надо! И социальные лифты устраивать! Иначе так и будет... верхи не могут, а вот низы хотят! Еще как хотят! Все то, что есть у верхов!

И если им не дать...

Сами возьмут.

Уже взяли, собственно! И попробуй отними!

Ладно, пока еще идет тот момент, когда ситуацию можно переломить, но это только пока. А через пару лет и поздно будет... Вот и строил Валежный своих офицеров.

Никакого зазнайства!

Никакого чванства!

И упаси вас Творец кому-то дать в морду!

Алоиза выслушали со всем вниманием.

— Из Звенигорода?

— Да!

— И готовы поделиться знаниями с тором генералом?

— ДА!!!

— Пройдемте.

Следующие три часа Алоиз провел в комендатуре, где его расспрашивали и вдоль и поперек... впрочем, он и не рассчитывал сразу подобраться к Валежному. Но первые шаги сделать уже можно.

К примеру, между разговором поинтересоваться, в городе ли тор генерал? А то сведения надо доставлять побыстрее...

Уточнить, при нем ли императрица... и точно ли — та самая?

Вот в последнем ни у кого сомнений не было.

Кто-то видел Петера, а Анна была копией отца. Кто-то видел портреты, кто-то и всю семью...

Императрица была настоящая.

Алоиз довольно потирал руки. И сообщил, что ежели тор генерал пожелает его увидеть или поговорить... где можно остановиться? Чтобы торам из комендатуры было удобнее его искать?

Офицеры переглянулись, но гостиницу посоветовали. И неплохую.

Спать Алоиз ложился с чувством выполненного долга.

Я настиг тебя, дорогуша.

И смогу заинтересовать Валежного. А там и тебя...

Бабы — народ несложный! Никуда ты от меня, лапочка, не денешься... моя будешь! И вся Русина — моя! Только моя... и корона и трон...

Аферист спал, и снились ему подвластная Русина, императорская корона и почему-то жом Тигр. Последний явно был против... и плевать на тебя три раза, кошка облезлая! Стану императором — прикажу твою шкуру на коврик пустишь!

Анна, Россия

— Девочки, добрый вечер! Скучали без меня?

Ради этого момента Борис готов был уходить каждые пять минут. Чтобы потом возвращаться. Домой возвращаться.

К нежной улыбке Анны и ее светящимся радостью глазам.

К восторженному воплю Гошки, который повисает на шее с разбега.

К объятиям Киры, которая пока еще не решается поступить, как Гошка, но смотрит... и подходит и целует в щеку... почему он, отец, не понимал этого? Почему не видел, насколько его дочери нужен ДОМ?

Не нотации, не побрякушки, а именно это? Тихие семейные вечера, улыбки родных, даже кот соизволяет прийти и потереться об ноги.

— Мур-р-рм.

Все правильно.

Семья.

И улыбки того же Романа, Розы Ильиничны и прочих говорили об этом лучше всяких телевизоров. Хоть ты их с десятков включи.

Семья...

Разве что Анна еще в его комнату не переехала. И чего она упирается? Но до свадьбы неприлично... Ладно. потерпим!

Борису очень хотелось засыпать и просыпаться рядом с любимой женщиной, но пока получалось только первое. Утром Анна уходила еще до рассвета. Тихо-тихо, он не просыпался.

Как же быстро привыкаешь к хорошему!

К вкуснейшему ужину, кстати говоря, и индейке с брусникой, и запеченному в сливках картофелю, и вкуснейшему десерту... После такого ужина — хоть на тренировку срывайся. А то скоро штаны расставлять придется!

— Кира, ты завтра Аню отпустишь? В два часа дня?

— Отпущу. А что случилось?

Отпускала Кира вполне спокойно. У них с Гошкой были уроки. Весна заканчивалась, и в школе лютовали с контрольными. Кто только придумал этот садизм: отпускать школьников на каникулы в десятых числах июня? И так всего три месяца счастья!

И — урезают!

Козлы!

Тем не менее у ребят шли четвертные контрольные, Гошка в школу хоть и не ходил, но подготовительные классы посещал. И с учетом больниц было ему сложно.

С ним занимались и Анна и Кира, но мальчику предстояло слишком многое наверстать.

— Меня приглашают на выставку.

— Выставку?

— Называется «Противопоставление».

Борис выразительно скривился и принялся рассказывать:

Да, есть такое течение — контркультура. Есть...

А теперь догадайтесь, кто всем этим увлекается? Да молодежь! В том числе и губернаторский сынок. Дурак? А куда деваться? Можно быть идиотом, если у тебя папа — губернатор. Можно...

Вот если сантехник, там приходится или умнеть, или подыхать. А губернатор в состоянии обеспечить своему чадушку любые погрешности. Разумеется, за свой счет! Заработает и обеспечит!

Воровать?

Губернатор?!

Как вы могли такое подумать об этих честнейших людях!

Не иначе как подметая по вечерам дворы или разъезжая таксистом, заработал губернатор своему чадушку и на обучение в Англии (медом им там, что ли, намазали?), и на квартиру, и на персональную выставку...

А поскольку ссориться с губернатором не стоит, мужик он вредный, злопамятный и (только тсс!) жутко говнистый, придется сходить. Повосторгаться десять минут... ладно! Честно выдержать час, высказать свое восхищение и удрать.

Вот лично Борис ничего интересного в таком виде искусства не находил. И «Черный квадрат» не купил бы, даже

чтобы дырку на обоях прикрыть. Другой вопрос, что Малевича на должность начальника пиар-отдела он бы взял без экзаменов. И на зарплату не поспешил.

Но здесь и сейчас никто его не спрашивал. Увы.

Надо идти.

Борис в тоске и отчаянии взирал на приглашение, когда ему и вспомнилась Анна. А что?

Поддерживать своего мужчину — первая обязанность женщины. Разве нет? И похвастаться хочется. И вместе они никуда не ходят... как-то так получается!

Вот Лизу Борис то по ресторанам водил, то по кабакам, по танцулькам, а Анне все это поперек сердца, он же видит! Ну хоть куда сходить?

Анна улыбнулась — и согласилась.

— А форма одежды?

— Не вечерняя, но парадная. Все же не абы куда идем... Вот карточка. Аня, солнышко, купи себе что-то дорогое. Знаешь в нашем городе бутик «Львиный зев»?

— Я знаю! — Кира аж подпрыгнула.

— Вот, Аня, завтра с утра купи, пожалуйста, платье?

Аня кивнула.

И проглотила вопрос, почему она так поздно узнает о выставке. Борис ответил на него сам.

— Я бы раньше сказал, но замотался. У Игоря горе, сын умер... ну и дела он забросил. Пьет как лошадь...

Кира фыркнула, показывая, что ей на покойника наплевать! Ей та семейка никогда не нравилась.

— У него еще дочь осталась!

— В Англии.

— Так Англии и надо!

Все рассмеялись, и куда-то растворился неприятный осадок. А и правда... не стоит о грустном! Они живы, они вместе и рядом. Что еще требуется?

Да ничего...

* * *

Бутик, расположенный на втором этаже огромного торгового центра, Анну огорчил.

Редкостно.

Дорого?

Да, безусловно. И дорого, и ярко, и броско, но как вот ЭТО на себя надевать?

Последняя коллекция? Новейшие модные тенденции?

Девочки, миленькие, да ведь мода к человеку гвоздями не прибита! Вещь должна быть и к лицу, и к фигуре, и удобной быть, и носиться хорошо, а вот это... модное, которое на один раз — на него ж без слез не взглянешь!

То стразы на всех местах — смотреть страшно! То ли человек, то ли елка новогодняя!

То разрезы... да еще шнуровка такая, что жутко становится. То ли человек, то ли колбаса...

То сам покрой платья... надо ведь и фигуру учитывать! И не надевать, к примеру, вертикальные полоски на худощавую фигуру. Или крупный рисунок... выглядеть будет жутковато. А ткани?

Сетка, бархат, блески...

Аня еще раз посмотрела, покачала головой — и вышла из магазина. Да ни за что!

И никогда!

— Жуть берет?

Аня посмотрела на уборщицу, которая терла пол шваброй. И решительно кивнула.

— Жуть жуткая. Сама сшить я ничего не успею, а платье надо срочно. Но тут же ничего не купишь! Оно все невыносимое!

— Это уж точно! Разве что деньги там оставлять без толку. Знаешь что, а ты вон туда сходи!

— Куда?

Уборщица указала в сторону выхода из торгового центра.

— Вот как из этого пафосного кошмара выйдешь, так и налево. Метров триста пройдешь — и в арку. Там магазинчик. Моя знакомая держит... не захочешь что-то купить, так и вернешься. Цены там точно раз в десять ниже местных.

Анна поблагодарила и отправилась в арку.

* * *

Магазинчик с простым названием «Платья» порадовал ее по-настоящему.

Стоило выбранное платье в десять раз меньше, чем в бу-
тике, а выглядело в десять раз лучше. И ощущение было...

Анна отлично разбиралась в тканях. Дорогих и деше-
вых. Вот эти платья были сшиты из дорогой, по ее меркам,
ткани. Качественной. Не скатывающейся и не линяющей.
Так что она примерила шесть платьев, подумала — и взя-
ла два. Оба были слишком хороши, чтобы с ними рас-
ставаться.

Ладно уж...

Побалуем себя.

Зато как засияли глаза Бориса, когда он увидел Аню
в платье цвета молочного шоколада. Совсем простой крой,
Анна не считала, что ей нужны какие-то дополнительные
портновские ухищрения, чтобы подчеркнуть или скрыть
нечто. Так что фасон выбрала классический.

Облегающий лиф, пышная юбка, узкая талия. Никаких
стразов, никаких украшений. Изюминку платью придавал
сам материал.

Платье цвета молочного шоколада — и чехол сверху.
Словно морозные узоры на окне. Белые, серебристые...

Под такое и украшений не надо. Это платье само по себе
украшение. Разве что маленькие сережки. Может быть, еще
колечко с жемчугом, но чего нет, того пока и нет.

— Анечка, какая ты красивая! — от души высказалась
Кира.

Анна улыбнулась ей и приобняла девочку. Кира сначала
застыла, словно ожидая чего-то плохого, а потом рассла-
билась, ткнула мордяхой Анне в плечо.

Ребенок.

Пусть и ростом с лосенка...

— Киреныш, ты ведь намного красивее меня! Ты посмо-
три, какие у тебя глаза выразительные! И волосы шикар-
ные, мы их как крапивой начали мыть и маски делать, так
они растут, что грива у коня... и фигура...

— Я толстая!

Аня качнула головой.

— Ерунду ты говоришь. Не забывай, что дети формируются по-разному. Кто-то созревает в двенадцать, кто-то в двадцать. Ты созреешь позже, но и постареешь тоже намного позже иных сверстниц. Надо это осознать и не поддаваться давлению толпы.

Кира вздохнула.

Вот последнее и было самым сложным. Она ткнулась Анне в плечо, прижмурилась.

— Ты ведь научишь меня так же одеваться? И выглядеть?

— Я тебе передам все, что знаю и смогу, — честно пообещала Анна. И услышала в ответ тихое: «Спасибо». Еще не мама. Еще не сестра. Но близость уже есть.

Как жаль, что нет времени... оно сквозь пальцы утекает, его уже почти не осталось...

* * *

Выставка Валаама Високосного Анну поразила.

Несколько секунд она обводила вот это все взглядом. Потом посмотрела на разнаряженных и вполне серьезных людей, на самого творца шедевров, который активно давал интервью, вещая что-то очень пафосное о новом пути в искусстве, на сами творения...

Нетленные, вестимо.

И подумала, что выражение «нетленка», которым пользовались в этом веке, получило новое значение.

Действительно — нетленка. Такое и тысячу лет в земле пролежит — не разложится. Валаам на мелочи вроде кистей и красок, холстов и бумаги не разменивался, он творил — на века!

Вот — гнутая батарея. Изначально грязно-бурая, сейчас она разрисована черной краской, причем то, что там изображено, приличные люди даже на заборах рисовать стесняются.

Вот — крышка от унитаза. Причем пережившая и первую молодость, и даже десятую... и на ней опять фаллический символ в самом его пошлом исполнении.

Вот картины.

Дом за фаллическим забором, причем забор-то прорисован с любовью, а дом кое-как. Лес из тех же фаллических символов, аквариум с ними же...

«Символы» везде подчеркнуты, даже выпячены. А вот все остальное...

— Мое искусство попирает старое, косное...

Что-то она уловила из речи творца. Хотя... стоит ли называть ЭТО — творцом? Скорее — вытворителем.

— Боря, а мы здесь надолго?

— Боже упаси! — передернулся Савойский. — От такого навеки импотентом станешь. Еще и энурез замучает. Сейчас я с парой человек пообщаюсь — и уйдем.

Анна была против формулировки, но по сути-то верно? Верно... и тошно.

Ох-х-х!

Это-то здесь зачем?!

Явно использованный памперс, из которого фаллическим символом торчало... ладно, пусть это будет столбик коричневого пластилина.

Анну замутило. Но лицо ее оставалось невозмутимым, улыбка по-прежнему ослепительной...

— Семен Михайлович! — обрадовался Боря какому-то мужчине лет пятидесяти — пятидесяти пяти. — Надолго вы к нам?

— Боря! Ты ли это? Сколько лет, сколько зим... Галочка, ты помнишь Борю?

— Конечно!

Супруга Семена Михайловича завоевала симпатию Анны мгновенно. Да и сам он...

Мужчина не стал, разбогатеv, менять одну супругу по пятьдесят на две по двадцать пять. Рядом с ним осталась надежная соратница, проверенный друг. Может, и не такая очаровательная, как в восемнадцать, и складочек на боках явно побольше одной, но карие глаза искрятся улыбкой, темные волосы заколоты в простой узел, и морщинки на лице явно от улыбок. А не от крика или злости...

— Боречка, а что это за милая девочка с тобой?

— Галина Петровна, это Анечка, моя невеста.

— Анечка! Чудесное имя! И девочка замечательная... Мальчики, вы поговорите пока о делах, а мы тут почирикаем о своем, о женском...

Мальчики послушно удалились и, судя по виду, действительно заговорили о делах. А Галина Петровна чуточку близоруко прищурилась и собиралась уже впитаться в Аню с расспросами, как вдруг...

— О!!! Госпожа Смолина!!! Кого я вижу!!! Вы почтили меня своим присутствием?! А это ваша дочка?!

Художник налетел на женщин ураганом. Анна зло сощурилась.

Таких существ она не выносила. Вот... как есть — хлюст и штафирка! Весь какой-то вихлястый, нескладный, с длинными немытыми волосами, которые некогда были... темными? Нет, не понять. Главное, вшей не подцепить, мылись эти волосы явно больше года назад.

Блуза — жутко-лиловая с громадным желтым бантом.

Штаны — ярко-алые, в обтяжку. И то самое подчеркнуто громадным металлическим гульфиком. Ну ладно, в Средние века так делали! Но тогда шить иначе не умели!

А сейчас — зачем?! Да еще металлический, вон ткань аж натянулась, она просто этот вес выдержать не может...

Ниже сапоги-казаки, с металлическими заклепками. Красотища — невероятная. Ковбой времен освоения Запада за такие бы ухо себе отрезать позволил! Но какого вкуса ждать от необразованного пастуха? А тут что?

— Это Анечка, — представила Анну Галина Петровна. И, кажется, даже улыбнулась.

Аня подняла брови.

Испытание? Ну-ну...

— Анечка... Манечка! Замечательно! Галина Петровна, вы с супругом?

Дальнейшее было несложно просчитать.

Либо художник мешает беседе бизнесменов. Либо сводит с ума Галину Петровну, и она тоже за то спасибо не скажет. В любом случае — плохо.

— Сударь, скажите, пожалуйста, что символизируют ваши произведения?

Как-то так Анна говорила, вроде и негромко, но отойти, отвернуться, проигнорировать ее было совершенно

невозможно. Валаам и не смог. Остановился, словно вкопанный.

— Манечка, а вы...

— Анечка, сударь, если вы запомнили. Так что выражает данное ваше творчество? — Рука Анны плавно указала на ближайшую картину. С фалломорфированным лесом.

— Э-э-э-э-э... это протест! — сообразил художник. Как-то слова склеивались под дружелюбным взглядом карих глаз и совершенно не хотели вылезать из сведенного судорогой горла.

— Протест?

— В наше время женщины стали мужеподобными! И мужчины обязаны объединяться, чтобы защищать себя! Объединяться всегда, везде, подчеркивать свою мужественность... — Художник указал на гюльфик торжественным жестом. — Более того, необходимо создавать истинно мужские братства, которые будут всячески искоренять мужественность в женщинах! Женщина обязана знать свое место, и оно в кухне и рядом с детьми! Но сейчас такое засилье хищных пираний, что страшно выходить из дома...

— Да, вы очень рискуете. Сколько времени надо стае пираний, чтобы обглодать корову до скелета? Пара минут? Вы, определенно, меньше размером, — посочувствовала Анна.

Художник как-то приуныл. И тут же снова просиял.

Еще бы! Будь они на Амазонке! А какие пираньи в средней полосе России? Неубедительно!

— Вот! Поэтому мое творчество — это протест! Это выражение моего сознания! Это крик и эпатаж...

— А я думала, вы просто рисовать не умеете?

Високосный поперхнулся словами и слюнями. И закашлялся так, что Аня предусмотрительно сделала шаг в сторону. Заплюет еще... фу!

— Вы...

— Почему вы удивляетесь, сударь? Такое творчество я каждый день вижу на заборах. Правда, там оно еще и с надписями... кстати, иногда очень выразительно и красиво получается. Ничуть не хуже, чем у вас.

— Я... да я назван самым ярким представителем контркультуры двадцать первого века!

Анна едва не расхохоталась.

— Контркультура? Контр — против... а что у нас против культуры?

— Бескультурье, — подсказала Галина Петровна, которая откровенно наслаждалась. Надоел этот Валаам, хуже, чем библейская ослица. Тоже, кстати, Валаамова.

— Бескультурье, дикость, разруха, неприличие, невоспитанность... воистину, есть чем гордиться. Тем, что вы гордо причислили себя к хамам.

Так просто Валаама было не сразить.

— Когда подобные вам самки захватывают власть, мужчины должны стать хамами! Иначе им не выжить!

— Я могу понять ваши взгляды. Но хочу заметить, что вот этот элемент вашего творчества обычно на ребенке меняют хищные и наглые самки, — палец Анны указывал на памперс. — И кстати, выгаскивают их на помойку, а не на выставку.

Это оказалось последней каплей.

Избалованный восхищением и преклонением, Валаам просто не выдержал. Он привык, что никто ему не возражает, что все покорно принимают его слова, что никто не осмеливается сказать даже слова против — он же раскрученный! Он модный!

Он почти бренд!

Он... да у него папа, в конце концов!

И тут вдруг, в его же родном городе, где все схвачено и оплачено, какая-то девка...

Его памперс... Его шедевр — на помойку?!

— Ах ты наглая тупая самка! Тебе просто не дано понять всю величину моего гения!

Валаам верещал так, что на ультразвук начали подтягиваться журналисты. Уже и записывают...

Анна подняла руку:

— Довольно!

Сказано это было в лучших традициях Аделины Шеллес-Альденской. Даже Валаама приморозило. Надолго его бы не хватило, но Анне и не надо было много времени.

— Я не покушаюсь на ваше право быть быдлом. Но считаю, что искусство должно служить людям. Сейчас все больше места занимают китч, крик, эпатаж, но это не потому,

что они хороши. Просто человек стремится выделиться. Он прокукарекал, а дальше хоть не рассветай. Он бросил в землю горсть зерна, но пророс ядовитый сорняк. Когда-то великий русский классик Николай Гоголь сказал, что надо отвечать за написанное. Ведь его слова будут читать будущие поколения. Так и художник несет ответственность за созданное им. Ведь сюда может зайти ребенок. Ваши творения выставят в интернете, и их увидят люди. И им будет неприятно и противно. Эпатаж, перформанс, андеграунд... Подполье. То, что не надо выносить на свет. То, что ниже уровня плинтуса, выражаясь языком молодежи. Вы низвели свой талант до уровня подвала.

— Ах ты дрянь!

Возмущенный художник замахнулся на Анну.

Девушка легко отступила в сторону — и дернула мужчину за рукав блузы.

Валаам пошатнулся. Потерял равновесие, запутался в носках казаков — и полетел носом прямо в то самое творчество.

В памперс...

Со всех сторон щелкали камеры.

Валаам с трудом поднялся на ноги, все же подбородком о постамент он приложился неплохо. Коричневый пластилин свисал у него изо рта.

— Тьфу! Кхе!

— Вот видите! Даже вам ваше искусство пришлось не по вкусу, — невинно прокомментировала Анна.

Несколько секунд все молчали.

А потом грохнул такой дикий хохот, что Валаама им попросту смело. Анна победила «всухую».

* * *

— Надеюсь, ты не слишком расстроен моим поведением?

Анна действительно чувствовала себя виноватой. Накинулась на беднягу... он же не виноват, что у него ни ума, ни таланта... вот и пытается хоть как выделиться!

Боря фыркнул:

— Радость моя, даже если ты его с костями скушать изволишь, я не огорчусь. Главное — не отравись.

— Постараюсь. С губернатором проблем не будет?

Борис еще раз пожал плечами:

— Могут. Но не слишком большие. Ты ведь не била его отпрыска, не колотила, он первый отнесся к тебе пренебрежительно. Ты высказала свое мнение о его искусстве, но он мог ответить словами.

— Не мог. Я его спровоцировала.

— Признаваться необязательно, — погрозил пальцем Борис.

Анна улыбнулась ему.

— Тогда молчу.

— Вот и ладно. С губернатором я все улажу.

В этом Борис не сомневался. Может, его еще и поблагодарят. Анна не понимала, но даже черный пиар — уже пиар. Хороший такой, жирненький...

После этого вечера Валаам прославится на всю область. А то и до Москвы дойдет.

Но любимую женщину надо было успокаивать.

— Я все это терпеть не могу, если честно. Но Семен Михайлович в нашем городе был на один день, проездом, а в Москве мне его помощь понадобится. Кстати, на Галину Петровну ты тоже произвела впечатление. Она мне шепнула, что я дураком буду, если тебя упусти.

— Не упустишь. — Анна обняла своего любимого мужчину за шею.

Какие же у него глаза.

Темно-зеленые, прозрачные, ясные...

— Костями лягу. Я так долго тебя искал...

Анна промолчала. И закрыла Борису рот поцелуем.

Чувствовала она себя премерзко. Но и изменить ничего не могла. Только отдать любимому мужчине все свое тепло, всю любовь — без остатка. Пока она еще рядом с ним. Пока жива...

Ида, Герцогства

На почту Ида заходила по привычке. Вестей от Кости можно было ждать только с нарочным, Яна пока не написала, поэтому конверт застал ее врасплох. Большой, надежно заклеенный...

И кто тут пишет Зинаиде Петровне Вороновой?

Ида сомневаться не стала, молча сломала сургуч и вытащила письмо. Ровные строчки, буквы округлые, старательные, но Ида не сомневалась — писал ребенок. Нескольких ошибок и слизанный след от кляксы только подтверждали ее теорию.

«Тетя Зинаида!

Мама сказала, что вы получите мое письмо и приедите.

Я сейчас в Герцогствах, мама осталась в Русине. Она просила передать привет вам и Полкану и сказать, что любит вас.

Мы живем у купца Меншикова, я и Потап. Потап — это мамин воспитанник и мой друг. Поэтому если нас забирать, то только вместе. Я буду очинь вас ждать. Федор Михайлович хороший, но скоро он поедет в Борхум и Чилиан, а я туда не хочу. Я хочу с вами дождаться маму.

Приезжайте, пожалуйста.

Георгий Алексеев».

Ида сжала листок так, что тот смялся в тонких пальцах.

— Гав? — вежливо спросил Полкан.

Это помогло.

— Полкаша, миленький! У нас есть племянник! Мы не одни! Мы — не одни!

— Гав! — порадовался Полкан.

Стая — это всегда хорошо! Если стая большая, еще лучше. Племянник... это родной. И та женщина, которая его нашла, тоже родная. А если и еще кто...

Много родных — хорошо.

И добычу стаей загонять легче, и отбиваться проще... надо только, чтобы они действительно были родными. Но это собаки понимают. А люди — не всегда.

Ида улыбнулась:

— Полкаша, мы с тобой поедем за Гошкой! Яна сказала, чтобы я его забрала, я его и заберу! И Потапа тоже! И будет нас уже четверо! Это здорово, правда?

— Гав, — согласился Полкан.

И подумал, что уехать — хорошая идея. А то бегают тут разные... навязчивые! А их даже загрызть нельзя! Куда только этот мир катится?

Несправедливо! Ах как несправедливо, что нельзя призвать к ответу наглеца! И даже покусать не получается...

Да и ладно!

Придумаем мы, что с разными нахалами делать. Главное, что хозяйка счастлива. Полкан встал на задние лапы, поставил передние на плечи Иде и вежливо лизнул ее в нос.

Умыл. От радости...

Глава 3

ВОСТОЧНОЙ ОТДЕЛКИ ЯВЛЯЯ СЛЕДЫ...

Яна, Русина

Всякое бывало у Яны в жизни. Но чтобы так?

Просыпаешься — и чувствуешь себя колбасой. Хорошо так, основательно увязанной по рукам и ногам. Такая суперколбасина!

Открывать глаза она сразу не решилась. Сначала чуточку приподняла ресницы. Есть такое женское умение подглядывать из-под ресниц.

Та-ак...

И что мы имеем?

А имеем мы похитителя. Одну штуку. Сидит, ногти чистит ножиком. Чтоб ты себе, паразит, пальцы по локоть отрезал!

Еще кто есть?

Вроде нет никого. Сама Яна лежит на чем-то вроде кровати, комната небольшая, не сильно протопленная... хорошо еще — в носках спала. В толстых, шерстяных. А то бы точно отмерзла.

Интересно, а пижама на ней осталась? Теплая, фланелевая?

Яна специально ее заказала портному. Холодно ведь! Весна в Русине пора непредсказуемая, проще сразу одеваться, чем потом лечить сопли. Так что, когда Валежный заказывал для нее наряды, Яна приписала к заказу носки, пижамы и пару свитеров. Да, и вязаную шапку с шарфом тоже.

Их похититель не прихватил. А вот в одеяло ее закутал.